

ТИРЕКС

Повесть

1

Хиросима взорвалась в кабинете директора гимназии за полтора месяца до окончания учебного года и начала экзаменов. Взрывная волна вихрем пронеслась по всем коридорам и закоулкам, заглянула в каждый кабинет: «Тарасова уволилась». Правда, самый осторожный шепот — предвестник докучных сплетен, домыслов, похожий на дуновение постепенно перерастающего в бурю ветерка или на маленькое тусклое пятно на скатерти, после кипячения которой все равно остается досадный след, — разносил совсем другое: «Уволили!»

Когда Валерия Павловна Тарасова зашла в кабинет, директор-Зевс грозно восседал на троне: рвал и метал. Не скрывая ироничного выражения лица, с олимпийским спокойствием женщина наблюдала за напрасными потугами работодателя, помня бесценный совет своей преподавательницы математики Лидии Васильевны Громовой: «Безразличие — это афродизиак, он изумительно действует на любое начальство. Чаще им пользуйтесь!»

Валерия Павловна, проработавшая в школе более сорока лет, повидавшая на этом веку самое разное начальство, давно усвоила: «Сдержанная учтивость выбивает из колеи любого Громовержца». Когда молнии закончились, резким движением поправив белый парадный пиджак, давно нареченный ею бронежилетом, на котором отливали серебром значки «Почетного работника» и «Заслуженного учителя», педагог ринулась в бой.

Изредка слышалось ее пронзительное и уверенное: «Я здесь при чем?», а потом неожиданно наступила благодатная тишина — неотвратимый вестун великого поражения или отрадной победы.

Тарасова вышла из кабинета военных действий с бледным, серебристо-матовым оттенком лица, устало подошла к секретарю и положила на стол заявление с визой директора «В приказ».

— Павловна, как вы? — испуганно поинтересовалась секретарь Ольга Михайловна, раскаты грома пробивались и сквозь закрытые двери.

— Гордость задета.

Все знали: язык у Тарасовой — бритва.

— Что это было? — выдохнула секретарша, приходя в чувство.

— Сакральный танец Зевса! — язвительно отрезала учительница, помолчав, хмуρο добавила: — Тьма сгущается.

Анатолий Михайлович Валевский родился в 1969 году в Львовской области. Окончил Томский государственный педагогический университет, работает учителем истории в школе. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Дальний Восток», «Москва», «Петровский мост», «Крещатик». Живет в пгт. Андра (Ханты-Мансийский автономный округ).

— Да за такие концерты надо доплачивать мне за вредность... — запрочитала было хранительница приемной.

Она пододвинула бумагу к себе, чтобы зарегистрировать в журнале входящей корреспонденции. При вчитывании в текст лицо секретарши вытянулось.

— Павловна, — озадаченно уставилась на Тарасову. — Не поняла причину увольнения?

— За несоответствие субсидарной сущности, — бесцветным голосом ответила Тарасова.

— Это что такое?

— Это к нему, — Тарасова указала на дверь директора. — Он объяснит!

— Жуть, что творится в этой гимназии, — вырвалось вскользь у секретарши.

— Однако солнышко-то светит, — хмуро улыбнулась пожилая учительница, желая хоть как-то успокоить сердобольную Михайловну, смотрительницу предпокоев Зевса. — Уже что-то.

Реакция в гимназии на сногшибательную новость сводилась к фразе: «Давно пора», но в тайных кулуарах осторожничали и вопрошали: «Как же теперь без Тарасовой?»

О том, что взрыву непременно быть, Валерия Павловна поняла, когда в воскресенье позвонил директор и без всяких реверансов, сухо и неприветливо заявил, что ждет ее в понедельник после уроков в своем кабинете для серьезного разговора.

— Чего ему от тебя надо? — поинтересовалась дочь Ирина, с явным удовольствием хозяйничая на кухне.

— Крови, — фыркнула мать.

Она не хотела вдаваться в подробности.

— В смысле? — Ирина аккуратно сняла джезву с огня и пристально взглянула на мать. Та царственно посмотрела на дочь, а на ее неприступном лице застыла снисходительная ухмылка. Неспешно подошла к окну и взглянула на улицу. В середине марта пасмурно-вялая погода похожа на вирус ОРВИ. Мелкий, неприятный, с короткими перерывами дождь неожиданно переходил в непродолжительные грозовые ливни. Солнце хворало: то выходило из-за серых туч, то снова ими прикрывалось. В такую непогоду хотелось лежать на любимом диване, укутавшись в мягкий плед, и медленно пить чай с лимоном и медом. Крепкий обжигающий кофе тоже подойдет.

— В смысле? — Ирина не отставала.

— В школе никогда нет смысла, — сердито проворчала Валерия.

Раньше бы она завелась с пол-оборота, но сейчас хотелось, чтобы не приставали. Женщина подошла к столу, налила себе еще горячий кофе.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — Ирина забросила в сковородку морковь.

— Об отсутствии взаимности, — Тарасова отставила чашку, чтобы кофе немного остыл.

Дочь выжидающе смотрела на мать.

— И о какой взаимности ты говоришь, мама?

Глаза Валерии Павловны недобро блеснули.

— Простой! Самой простенькой! — медленно и отчетливо проговорила она. — Моя задача — учить детей, вдалбливать в их пустые головы знания, а не подстраиваться — подлаживаться под дурацкие отчеты школы, управления образования, родителей, — Тарасова почувствовала, что говорит резче, чем хотела. Она нажала на внутренние тормоза, чтобы больше не поддаться эмоциям. — Понятно, что дети никогда не хотят учиться, хотят все и сразу. — Павловна посмотрела на дочь в поиске поддержки и получила ее кивком головы. — Те, кто все же хотят учиться, это как в русском языке — исключения. Они всегда есть, и к ним надо бережно относиться

— Совсем не дают работать? — сочувственно поинтересовалась дочь.

Павловна бессильно развела руками и, усевшись наконец на стул, продолжила спокойно:

— Заявил мне тут на днях Зевс...

Ирина улыбнулась, вспоминая историю появления этого прозвища.

На одном из педагогических советов молодой директор три часа нацеливал коллег на внедрение новых технологий. Учителя клевали носом, на камчатке филологи активно проверяли тетради. Тарасова, как прилежная ученица, сидела за первой партой. Когда перевалило за семь вечера и за окном совсем стемнело, Валерия Павловна поняла — надо спасать коллег. Подняла руку и остановила оратора фразой: «О, великий наш Зевс! Мы готовы на любой педагогический кипиш, но сильно хочется кушать и еще кучу тетрадей проверять». С тех пор директор со скромной фамилией Колобов для всех стал Зевсом. Хотя позже она же саркастически величала неопытного протезе управления образования маленьким Наполеоном от большой педагогики. Ей нравилось это сравнение.

Пародирова интонацию директора, продолжила:

— Валерия Павловна, ваши результаты по ВПР никуда не годятся. — Тарасова снова завелась, голос ее звучал все тверже и тверже. — Нас обвинят в необъективности. Надо результаты поправить. — Валерия остановилась, перевела дыхание. — Спрашиваю: как? — Она взглянула на дочь в поисках поддержки. — Он так спокойно: допускаю, что с выпускной работой могли не справиться три-четыре человека, но остальные-то написали. Не портите отчетность школе и себе.

— И наступит гармония по-колобовски, — съязвила дочь.

Своей фразой она взъярила мать.

— Гармония в школе наступит только тогда, когда две стороны — ученики и учителя — признают одну простую истину. Ученики идут грызть или выгрызть гранит науки, но без особого желания, учителя, в большинстве своем снобы, ждут учеников, но без особого восторга и энтузиазма. Когда две стороны признают аксиому, наступит школьная гармония и благоденствие. — Валерия Павловна посмотрела в окно. — Но наш Наполеон считает, что главное не детей учить уму-разуму, а не портить ему паршивую отчетность.

Моментально остановить набравший скорость поезд невозможно, если только ты не бросающийся под рельсы камикадзе. Ирина таким героизмом не отличалась. Она спокойно слушала мать, продолжая перемешивать морковь с луком в сковородке.

— Вот скажи, зачем из года в год переписывать одну и ту же рабочую программу по математике? — Валерия раздраженно уставилась на дочь. — В ней же ничего не меняется. У нас только образовательные программы и продвигают, а не образование дают, — безрадостно заключила она.

— Плюнь и уйди на пенсию, — простодушно посоветовала дочь.

— И что я на ней буду делать? — по интонации Ирина поняла, что предложение небудуманное и опрометчивое.

— Жить!

Мать уничтожающе взглянула на дочь.

— Предлагаешь переквалифицироваться в кухарку и няньку твоих детей? — уточнила она.

— Это твои внуки, — обидчиво огрызнулась Ирина.

— Прежде всего они твои дети, — тоном, не терпящим возражений, Павловна поставила дочь на место. — Я не просила тебя рожать двоих детей в двадцать лет, — взгляд серо-зеленых глаз хозяйки квартиры нахмурился.

— Мама, с тобой невозможно жить! — на глазах дочери задрожали слезы.

— Но ты спокойно живешь? — снисходительно отреагировала та.

— Это упрек?!

— Констатация факта.

— Поговорили! — бросила в сердцах Ирина.

Павловна поняла: перегнула палку, аккуратно пошла на попятную.

— Успокойся, — миролюбиво тушила она костер обиды. — Порой хочу на пенсию. Очень хочу. Возраст сказывается, — устало призналась она, вздохнула. — Тело требует покоя, но душа-то еще не скукожилась, — на лице Павловны появилась еле заметная тень улыбки. — Эльза вот «свалила в туман» и счастлива. Бегаёт как угорелая по театрам, выставкам.

— Мама, это и называется «наслаждается жизнью», — опасно вставила Ирина.

— Ей пенсия позволяет жить, я же на свою должна еще пахать, а не она на меня.

Валерия с искренним восхищением и преклонением относилась к Эльзе, чувствовала себя бледным светлячком на фоне выразительно сияющей звезды.

— Что вы забыли на физмате? — первое, о чем спрашивала своих студентов и студенток завкафедрой математического анализа Лидия Громова.

Семнадцатилетняя Валерия не ступала перед авторитетным преподавателем:

— Математика — это порядок, а я его люблю во всем.

Громовой ответ первокурсницы понравился.

— Математика — это еще и порядочность.

Валерия запомнила слова математического гуру.

А когда через двадцать лет Тарасова наконец-то смогла купить двухкомнатную квартиру в областном городе, то с изумлением узнала, что в соседнем подъезде на шестом этаже живет бывшая преподавательница матанализа, которую дома все уважительно величали Эльзой. С тех пор они приятельствовались.

— Меня считают старой душой, помешанной на математике, — продолжила Валерия. — Вот выпущу последнего своего «тарасенка» Семенова и уйду, — с решимостью заявила Павловна.

Ирина иронично взглянула на мать.

В гимназии учеников, которых выделила Тарасова исключительно за их знания математики, именовали «тарасятами», прекрасно зная, что математичка за них кому угодно горло перегрызет. За своих Тарасова стояла горой. Она не жалела личного времени, дополнительно занималась с «тарасятами» по два-три часа в день. Все занимались вместе, вместе решали сложные задачи, старшие не только помогали младшим в математике, но и опекали их в гимназии, чтобы не приведи Господь, кто тронул «дитятко» Тарасовой. Конечно, иногда происходили стычки между «тарасятами» и обычными учениками. Когда побили маленького Леонидаса из шестого «Д» класса, Тарасова не пошла разбираться с обидчиком. Взяла за руку парня и привела в секцию бокса. «Максимыч, — по-свойски обратилась она к тренеру. — Научи „тарасенка“ за себя постоять». И когда к Леонидасу через несколько месяцев снова пристали драчуны из соседнего класса, маленький «тарасенок» накостылял им по полной программе. После этого больше никто к «тарасятам» не приставал.

Ученики Тарасовой выигрывали всевозможные олимпиады, различные математические конкурсы, старшие шелкали «профиль» на ЕГЭ как семечки.

Ирина знала, что после расчудесного Семенова найдется другой ученик, о котором мать с патетическим восхищением будет говорить на каждом углу: «Такая у меня появилась умница... такая математическая дуся...» Не зря говорят, горбатого могила исправит, а упрямого — дубина.

Кухня часто превращалась в педагогические баталии, только Тарасова никак не могла взять в толк, почему дочь вместо физмата выбрала истфак. Из-за этого они не общались больше года.

— Твоя история — пресная наука, — убеждала мать. — Каждый ею крутит, как ему заблагорассудится.

— История — это шкаф со спящими скелетами, — возразила Ирина.

— Шкаф с пустыми антресолями, — решительно продолжила Валерия.

Дочь не спорила: против лома нет приема, — этому научил Николай, ее первый муж. «Твоя мама — танк!» — заявил он однажды.

Разговор услышала Валерия и ответила, словно отвесила оплеуху опешившему зятю: «Танки грязи не боятся!»

Тарасова встала со стула и снова подошла к окну. Теперь в воздухе повисла сплошная морось. Она терпеть не могла этот мелкий, колючий дождь, от которого невозможно укрыться, до основания впитывающийся в человека, а от пронизывающего, беспощадного ветра становилось зябко.

— Я знаю, — Валерия повернулась к дочери, — в гимназии меня не любят! — Она произносила слова медленно, вкладывая в них особый смысл. — Хочешь быть угодной — заткнись навсегда и не имей своего мнения.

Столько горечи было в последних словах, что Ирине стало обидно за мать. Жалко ее стремлений, а подчас и невероятных усилий. Но выдать из себя она смогла только:

— Это токсично!

Новое слово прицепилось от сына-пятиклассника, заявившего на днях, что делать уроки — это токсично.

Домашние задания у внука всегда дотошно проверяла Павловна, поэтому Максим и учился на «отлично». Главная трудность состояла не в телефоне, не в играх, а в том, чтобы его оттащить от телевизора: он обожал программу «Дискавери». После просмотров телепередач он засыпал бабушку вопросами.

— Знаешь, какой самый хищный динозавр на земле?

— Не знаю!

— Тираннозавр, — с гордостью просвещал Максим. — Его еще сокращенно называют тирекс.

— Правда, самый хищный?

— Сверххищник. — уточнил внук. — Самый кровожадный из всех динозавров.

— Надо же...

На лице Валерии появилось подобие горькой улыбки.

— Мама, ты чего? — с беспокойством спросила дочь.

— Вспомнила, что Максиму нравятся передачи о динозаврах.

— Он на них помешался, — подтвердила Ирина. — Учительница жаловалась, что он стал хуже учиться.

— Только не вздумай мне ходить в школу с разборками, — предупредила мать.

— Я похожа на больную? — возмутилась Ирина. — Работала, прекрасно знаю, какие ушлые пошли дети. В этом отношении садик — это рай!

— Знаешь, что главное в школьной работе? — спросила неожиданно Павловна.

— Что?

— Выдержка, — негромко произнесла мать.

Каждый день Тарасовой начинался с того, что она, как мантру, повторяла: нужно взять себя в руки. Ирина не единожды наблюдала, как мать болезненно пропускала через себя школьные несправедливости, родительский гнев, язвительные замечания администрации школы.

Родители любили проспать за несколько дней до окончания четверти или учебного года и шли к ней с кучей необоснованных претензий.

— Вы убиваете моего ребенка своей принципиальностью! — не сдерживая себя, изливалась водопадом мать Воронцова, ученика девятого класса.

— Помилуйте, с чего вы это взяли? — терялась от обвинений Тарасова.

— Вы никогда не ставите ему хорошее оценки! — негодовала родительница.

— Ваш Максим систематически не выполняет домашнюю работу, — учительница заняла окопную оборону. — По контрольным работам двойки, устные ответы нику-

да не годятся. За что ему ставить хорошие оценки? — Тарасова прищуренно разглядывала Воронцову.

— Вам что, жалко оценку? — в сердцах выпалила мать Максима.

От претензии родительницы Валерия Павловна опешила.

— Оценку надо заработать, — непримиримо произнесла она, давая понять, что разговор окончен. — Оценка — это знания; выпрошенная оценка — милостыня. Я же подаю только на паперти в церкви.

— Вы вообще думаете о детях? — кричала Воронцова, стараясь привлечь на свою сторону максимальное количество зрителей в коридоре.

— Всегда! — ледяным тоном отрезала Тарасова.

— Вы их травмируете своими оценками, они ненавидят вашу математику и вас в том числе.

Лицо Тарасовой стало суровым.

— Извините, оценками не торгую!

Слова прозвучали резко, как щелканье хлыста.

— Мы, родители, найдем на вас управу... — разорвалась Воронцова.

Валерия Павловна спокойно выслушала угрозы в свой адрес — про то, что родительница дойдет до директора, до управления образования, что бумерангом ей вернутся слезы детей. Таких родителей Тарасова называла «ходоками».

— Знаете, — глаза Валерии Павловны оживились, — когда ученик начинает серьезно относиться к учебе, происходят чудеса. Посоветуйте Максиму учиться и не унижайтесь, выпрашивая этому лентяю хорошие оценки.

Воронцова застыла в глубоком ступоре от слов учительницы. Тарасова поспешила в свой класс на урок.

И таких недовольств со стороны ходоков-родителей хватало. Учительница старалась держать оборону, но, бывало, и срывалась, «рычала», ставя родителей-просителей на место.

— Мама, — дочь подошла к окну и отодвинула тюль. — Видела, твоя герань, кажется, заболела.

Цветок и в самом деле выглядел печально: листки пожухли, как кожа у пожилого человека. Тарасова поднялась и также подошла к окну, внимательно рассматривая герань, подаренную ей Эльзой года три или четыре назад на День учителя.

— Ухаживай за цветком, — наставляла Эльза. — Считай: он твоя душа. Цветок чувствует настроение. Цветет — значит, все хорошо, чахнет... — Эльза развела руками. — Одним словом, следи за цветком и за собой, чтобы он всегда у тебя цвел.

— Надо ему землю поменять, — посоветовала дочь.

— Думаешь, поможет?

— Надо попробовать.

— Завтра займусь им, — решительно заявила Павловна.

Она собралась отдохнуть в свою комнату, но ее остановила фраза дочери.

— Кстати, мама, с Прощеным тебя воскресеньем, — вспомнила Ирина.

— Разве сегодня?

— Да!

— И посыльный принес букет подснежников? — уточнила Павловна, зная заранее ответ.

— Да, конечно, — кивнула дочь.

— И, как всегда, никакой записки?

— Никакой!

Тарасова задумалась.

— Тебе не кажется странным, что кто-то более двадцати лет присылает мне букет весенних цветов в Прощеное воскресенье.

- Тайный поклонник математики? — предположила дочь.
- Это цветы прощения, — уверенно произнесла Валерия.
- За что и от кого?
- Не знаю... Здесь моя логика не срабатывает.

* * *

Ирина удивилась, когда в понедельник увидела мать дома после обеда.

— Что-то забыла? — поинтересовалась та.

— Да, — смотря в никуда. — Покой.

Дочь заняла выжидательную позицию. Знала: лучше не задавать лишних вопросов.

Захочет — сама расскажет. Не захочет — все равно все всплывет.

— Я уволилась... — голос Павловны задрожал.

Ирина с недоумением уставилась на мать.

— Что случилось? — прозвучало беспокойно.

— Ничего!

— Ты и гимназия — это же.

— Хотела сказать, что меня оттуда ногами вперед вынесут, — не без иронии перебила Валерия, отбрасывая со лба седую прядь. — Как видишь, ошиблась. Ушла добровольно!

— Может, объяснишь, что случилось?

Глаза дочери расширились: она увидела на щеках матери слезы.

— Все могу вынести, кроме предательства, — сбивчиво, глотая слова, выдавила Павловна. — Еще и обвинил, что я ему что-то сломала внутри.

— Какого предательства? — Ирина никак не могла выйти из ступора. — О ком ты говоришь?

— У предателей нет имени, — и больше ничего не объясняя, Павловна удалилась в свою комнату, закрыв дверь и оставив дочь в недоумении.

2

Тарасова родила Ирину, успев запрыгнуть в последний вагон поезда «Материнство». Она долго не могла найти подходящего мужа, потому что подходила к выбору потенциального избранника тщательно, как бухгалтер к годовому отчету: все цифры по горизонтали и по вертикали должны сойтись и засветиться зеленым. Валерия — приверженка продуманной семейной жизни, ей нужен был мужчина основательный, с головой на плечах, хозяйственный, не боящийся бытовых трудностей, за которым бы она чувствовала себя как за каменной стеной. Обязательно некурящий, не целоваться же с сигаретой — девушка этого не представляла.

Ее прагматичный ум любил четкость и определенность. Семья у нее будет, Валерия в этом ни капли не сомневалась, главное — подобрать правильного мужа.

— С таким подходом останешься в старых девах, — с насмешкой заявила мать.

— У меня есть работа. Она меня спасет.

По материнской позе, по ее неодобрительному взгляду дочь, зная крутой нрав родительницы, приготовилась к строгим нравоучениям.

Зоя, мать Валерии, искренне считала, что в школу идут работать только неудачники. После десятого класса Валерия по совету матери поступала на экономический. «Будешь сидеть в теплом кабинете. Бухгалтер — уважаемая профессия, он деньги считает», — важно поучала мама-санитарка, но на вступительных экзаменах дочь недобрала один балл. Валерия поняла: возвращаться домой и ежедневно выслушать мозгоклюйство матери — не сдюжит. На математический в пединституте как раз случился недобор, не задумываясь, подала документы, и ее зачислили.

— Старая дева — сломанное дерево, — гундела Зоя.

Валерия хотела поспорить с матерью, но припомнила недавний разговор с коллегой по работе, пожилой учительницей математики, которая в сердцах бросила:

— Проработала в чертовой школе сорок лет и вдруг поняла — все напрасно!

— Почему? — искренне удивилась Валерия.

— Всех не научишь.

— Почему же не уходите?

— Привычка!

И столько было в этом искреннего сожаления, будто седовласая женщина себе призналась: жизнь прожита зря.

Ближе к тридцати годам в ее жизни появился Дмитрий — «художественная» натура и ее будущая оплошность. Он покорило холостое серьезное сердце учительницы математики стихами, чего Валерия никак от себя не ожидала. То, что художники странные люди, Тарасова предполагала, но что настолько, для нее стало открытием. Она слушала заворожено и не могла оторвать от Дмитрия глаз. Он читал стихи, чуть «оттягивая» звук, вдумчиво проживая, а не декламируя их. Он падал в них, будто в глубокий колодец.

Потом художник показал ей свои картины. Она их не понимала, но делала вид, что ей интересно.

Валерии льстило внимание Дмитрия, и когда осенью он пригласил ее на свою персональную выставку в областной центр — в Киров, поехала, не задумываясь. Прямо с вокзала позвонила ухажеру, но он, услышав, что звонит какая-то Валерия, ее даже не вспомнил. Обиженная, она тут же уехала назад в Котлас, где жила.

Тогда Валерия еще не знала: во время подготовки к выставке художник мог забыть и собственное имя, полностью погрузившись в организацию вернисажа. На выставку художник возлагал большие надежды, но периферийный талант оценили скромно, и несолоно хлебавши Дмитрий вернулся в Котлас, упал на колени в школе перед строгой Валерией, очаровав этим всех: от вахтерши тети Таси до директора Светланы Григорьевны.

Муж-художник — Валерии казалось перспективно и заманчиво. Они продолжили встречаться — гуляли. Тарасова решила, что сможет из ухажера слепить гения, и начала уверенно действовать. Она принялась ненавязчиво внушать Дмитрию, что он замечательный, даже гениальный, но беда, что другие этого не понимают. Художник приободрился от таких дифирамбов, готов был горы свернуть ради возлюбленной, которая смогла понять его мятущуюся душу, затаенную нежность, недовольство собой и душевную незащищенность.

Дмитрий до этого уже однажды бывал в загсе, но как он считал, и Валерия солидарна с его мнением — это был просто брак, их же союз — настоящий и крепкий.

Признание жениха: «Предрекаю тебе муку от меня невероятную» — Валерия восприняла с юмором.

Мать предупредила: «Художник от слова худо — ничего хорошего в семье от этого не жди», но когда Валерия в тридцать пять забеременела, решительно заявила: «Выходи замуж и рожай, дальше будет видно!»

Зоя оказалась провидицей, когда сказала: «Все проблемы у людей от бардака в голове: крыша течет — стены через какое-то время начнут гнить». Дочь со временем вынуждена была с этим согласиться.

Тарасова практично считала: муж-подкаблучник — это гарантия покоя и стабильности в семье. И мать подпевала: «Мужика надо держать в узде. Первое время он будет показывать свой нор, но потом привыкнет. Станет тихим и покорным, как лошадь: куда повернешь, туда и поедет».

Жизнь с художником оказалась сплошным хождением по минному полю. Отношения затрещали по швам уже через год после рождения дочери. Дмитрий оказался любителем зеленого змия. Даже теща развела руками: «Русская болезнь — неизлечима. Твой отец ею сильно страдал». С годами Дмитрий стал выглядеть так, будто его разбудили в пять утра понедельника. Хмельной бардак в голове провоцировал хаос в жизни, в отношениях, в творчестве, перетекающий в депрессию. Валерия первое время пробовала починить крышу мужу. Дважды возила на кодирования — хватало ненадолго.

В семейных отношениях оба запутались, как рыбы в сетях. Был период, когда Валерия считала: любой узел рано или поздно разрывается. Сам ли, с помощью кого-то или чего-то, но он должен исчезнуть. Не получалось. Может, все оттого, что они встретились сложившимися, взрослыми людьми, каждый со своими душевными царапинами, и пазлы их характеров не во всем совпадали.

Валерия узел безжалостно разрубила — развелась.

Ирина, еще подростком, поинтересовалась у матери причиной расставания родителей, та философски заметила:

- Инструкцию по-разному понимали.
- Какую инструкцию? — допытывалась дочь.
- Семейную! — отрезала мать.

Отсутствие любви спасалось работой — математикой. Качественное лекарство и для депрессии, и для легкой грусти.

По распределению Валерия попала в глухую деревню в Томской области. Нельзя сказать, что встретили молодого специалиста радушно. В сельской школе две пожилые математички пополам распределяли все часы — на жизнь им хватало. С молодой пришлось делиться. Что Валерия здесь нежеланна, она почувствовала с первых дней. Пенсионерки разнесли ее уроки в пух и прах, да еще в учительской устроили принародное старушечье судилище, мол, чему сейчас в институтах учат, кого выпускают. Валерия по ночам ревела, каждый день дорога в школу превращалась в Голгофу. Мать, приехав в гости, дала жесткий, но дельный совет: «Пересиди гадов, тогда придет твое время!»

Старухи ушли из школы через три года. Тарасова осталась единственной математичкой — монополисткой своего предмета. Настал ее час! Через какое-то время выиграла конкурс «Учитель года района», и ее незамедлительно позвали в городскую школу.

Именно там, когда уже не надеялась ни на что и даже перестала смотреть в мужскую сторону, Валерия встретила своего Аполлона и влюбилась.

3

О тарасовских бзиках ходили легенды.

Одно время в ее кабинете вместо обычных портретов великих математиков висели пустые рамки. С какой целью — долго никто не мог понять. Посчитали за очередное тарасовское завихрение. По нему танком проехали на педагогическом совете.

— Валерия Павловна, что за перформанс вы устроили в своем кабинете? — язвительно поинтересовался директор.

— Да, — в унисон Зевсу добавила заместитель директора по методической работе, — объясните, что за инсталляции висят у вас на стене?

— Расчистила место для будущих стобалльников, — не без гонора парировала Тарасова. — Они уже на подходе, — серо-зеленые глаза, взгляд которых казался директору всегда расчетливым, возбужденно засветились.

Слова учительницы математики оказались пророческими. Каждый год у Тарасовой появлялся стобалльник. Никто не знал, как у нее это получается, но сарказм администрации гимназии быстро сменился на почтение. Учиться у Тарасовой — это знак высокого качества.

В середине десятого класса, в котором Тарасова была еще и классным руководителем, пришел новенький — Николай Семенов. Отношения с ним сразу не заладились. Несколько дней ученик приходил на уроки без домашних заданий.

— Почему не сделал? — строго спрашивала учительница.

— Библиотека закрыта, библиотекарь болеет, я не получил учебники.

— Отговорка, — вынесла вердикт Тарасова и с легкой душой выставила в электронный журнал двойку, считая, что оценка адекватна провинности.

— Это несправедливо, — запротестовал Семенов.

Тарасова уставилась на новенького. Она не могла внятно себе объяснить, чем Семенов ей не нравится. Она верила первому впечатлению, считая его самым правильным.

— Качай права в Организации Объединенных Наций! — отрезала Тарасова обалдевшему ученику.

Через месяц новый завуч школы Любовь Михайловна вызвала учительницу математики к себе в кабинет.

— Валерия Павловна, у новенького сплошные двойки. Объясните ситуацию, — потребовала она.

— Нечего объяснять, — безапелляционно заявила Тарасова. — Парень систематически не выполняет домашние задания, всячески игнорирует мои замечания.

— Наверное, есть причины, — завуч наблюдала, как закипает, словно чайник, классный руководитель десятого класса. — В гимназии, в которой раньше учился Николай, он считался лучшим по этому предмету, — заметила Любовь Михайловна. — Он прошлый годный призер областной математической олимпиады.

Выражение глаз Валерии Павловны стало серьезным.

— Не заметила математических талантов, — пожалала плечами Тарасова.

В кабинете на какое-то время установилось неопределенное молчание. Продолжить его обозначало бы, что разговор окончен, но это никак не входило в планы завуча.

— Вы его к доске вызывали? — спросила она.

— Не один раз, — пресно ответила Тарасова. — Стоит как истукан и ничего не делает.

— Вам не кажется, что это форма протеста?

— Против кого? — подобие снисходительной улыбки на лице учительницы сменилось скептической миной.

Тарасова не понимала заботы завуча о новеньком.

— Против вашего подхода к ученику, — Любовь Михайловна не спускала взгляда с оторопевшей учительницы. — Восемь двоек за три недели, тут у кого угодно отпадет желание учить математику.

Завуч безошибочно почувствовала неприязнь, возникшую между ними.

— Вы не возражаете, если я посетую завтра ваш урок? — вежливо поинтересовалась Морозова.

— Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, — Тарасова почувствовала прилив боевого настроения. — Шестой урок у меня как раз в десятом классе. Узреете новенького во всей красе.

— Спасибо, — поблагодарила завуч.

Перед началом шестого урока в кабинет математики зашла Морозова, поздоровалась со всеми и села за последнюю парту рядом с новеньким учеником.

Тарасова начала урок с тотального наступления.

— Семенов, как ваше ничего? Совсем ничего или все-таки хоть что-то выучил? Домашняя работа сделана?

— Да! — уверенно произнес ученик.

Что угодно готова была услышать учительница, только не короткое и решительное «Да!».

— Да-то погода испортилась сегодня, — класс прыснул негромко со смеху. — Показывай.

Николай поднялся с последней парты и уверенной походкой направился к учительскому столу — передал раскрытую тетрадь. Тарасова пристально уставилась в нее, как минер с миноискателем.

— С ГДЗ списал, — пренебрежительно фыркнула она.

— Нет, сам сделал, — ученик почувствовал, что завладел вниманием класса. — Могу доказать, — продолжил он спокойно. — Эту задачу еще можно решить по-другому, — и Семенов принялся писать на доске решение, засыпая Тарасову и класс математическими формулами.

Учительница озадаченно сидела в кресле, не зная, как ей реагировать — оригинальное новое решение задачи не входило даже в курс профильной математики. Она задумалась, оценивая ситуацию. В классе воздух от тишины стал спертым, как перед грозой.

Тарасова с характерным для нее прищуром «прыжок кобры», ничего хорошего не предвещавшим, пристально рассматривала ученика. «Надо же, — пронеслось у нее в голове, — месяц прикидывался дурачком...»

— Семенов, оказывается, ты совсем не простой.

— Все мы непростые люди, — не остался в долгу ученик.

Тарасова почувствовала, как стало трудно дышать. Встала, подошла к окну и приоткрыла его — не полегчало.

— Сегодня ты заработал «хорошо», — бесстрастно произнесла учительница.

— Почему не «отлично»?

— За обман! — коротко отрезала математичка.

— Я вас не обманывал.

Валерия Павловна машинально поправила прическу. Ей тут же припомнилась фраза директора, сказанная на одном из совещаний: «Есть три контингента учащихся: адекватные, буйные и спящие. Самые опасные — последние!»

— Семенов, — голосовые децибелы Тарасовой росли как на дрожжах, — если ты хотел показать свой характер — я его не увидела. Самонадеянность — да, гонор — да, но не характер.

— Что надо сделать, чтобы вам доказать, что он у меня есть?

Выдержанность ученика сразила. Он говорил со спокойной уверенностью, без всякой внешней аффектации.

— Видишь последнюю пустую рамку? — Валерия Павловна указала рукой на стенку. — Она зажала стобалльника.

— Сто баллов для меня не рубеж.

— Даже так?! — невольно вырвалось у Тарасовой. — О каком рубеже идет речь?

— МГУ, математический факультет!

— Однако! — непроизвольно вылетело у Валерии Павловны.

— Вас это напрягло?

Учительница ответила не сразу.

— Хорошая мотивация, — ответила она наконец. — Тогда пошли.

— Куда? — вопрос ученика развеселил учительницу.

— К твоей цели, она мне нравится. Спуску тебе не дам!

— Поэтому и пришел конкретно к вам. Мне нравится ваша фраза.

— Какая именно, уточните? — не без сарказма поинтересовалась Тарасова.

— Феноменальный — это не от слова «фен», а от слова «феномен»!

— Уверена — это комплимент исключительно в мой адрес.

— Естественно! — засмеялся Семенов.

— Для тебя у меня припасена другая фраза: «Учите, Семенов, учите и еще раз учите. Понимание придет потом!»

— Валерия Павловна, я в курсе, что математическая матрица — это история не про Избранного.

Класс прыснул со смеха.

— Семенов, я осознала, что вы та еще дуся, поэтому готова причислить вас с сегодняшнего урока к числу своих «тарасят». От вас требуется сущая малость — не нарушать установленные правила.

— Чувствую себя новообращенным секты бога математики Хеоса, святого дискриминанта и его собрата четного дискриминанта.

Тарасова засмеялась.

— Мы не секта, молодой человек... — учительница задумалась. — Мы братство, и я не принуждаю вас быть его членом.

— Вы как заботливая мамаша Кураж, — позволил подтрунить над учительницей ученик.

Он смутился, чувствуя на себе буравящий взгляд Тарасовой.

— Семенов, радуется, что у вас есть еще и познания в других науках, но, к вашему сведению, у мамы Кураж было трое детей, у меня значительно больше, и за каждого не только я ответственна, — она внимательно посмотрела на Семенова. — У нас все друг за друга ответственны! Разницу почувствуете?

— Да, — ответил Семенов.

— Тогда у тебя одна задача — не расстраивать меня.

— Не буду!

— Время покажет. Есть еще одно важное правило — преданность.

— Кому?

— Семенов, вы задаете лишние вопросы. — Тарасова окинула взглядом ученика. — Преданность в них не нужна. Так вы готовы вступить в наше братство?!

— Готов!

— Тогда вэлком.

Семенов вернулся на свое место и, наклонившись к завучу, шепнул: «Мама, у нас все получится! Я поступлю в МГУ, вот увидишь!»

* * *

Вечером Валерия сильно удивилась, когда увидела в коридоре холодильник «Атлант». Подержанный, но в хорошем состоянии. Только на днях с Ириной разговаривали, что было бы хорошо приобрести с рук холодильник для дачи.

— Когда успела купить и у кого? — поинтересовалась у дочери.

— Тетя Нина устроила настоящую распродажу.

— И сколько?

— Она хотела семь, но я сторговалась за четыре, — похвасталась Ирина.

Лицо Валерии нахмурилось.

— Да ему красная цена минимум десятка, — изумилась она. — Почему так дешево?

— Я откуда знаю? — простодушничала Ирина.

— Спросить надо было, — не отставала Валерия.

Ирина посмотрела на мать, не понимая ее скрытого осуждения.

— У нее что-то случилось, деньги срочно нужны, вот и распродает все.

— А что случилось? — упорно допытывалась Валерия.

— Тетя Нина сказала, что вроде сына ее сажают в тюрьму, вот она на адвоката и скребет.

— И ты решила на этом нажиться? — завелась Валерия. — Да где твоя совесть, девка? — стыдила она Ирину.

Дочь стояла, будто язык проглотила, не понимая, что ж такого снова сделала неправильно.

— Мама... — прерывающимся голосом Ирина собралась защищаться от нападок, надеясь каким-то чудом ее уговорить.

— Что ты мамкаешь?! — Валерия грубо оборвала дочь. Не сдерживая себя, высказала ей все, что думала в этот момент, доведя Ирину до слез. — Как я Нине буду после этого в глаза смотреть? Бессовестная!

Последнее слово особенно ранило дочь.

— Вся в тебя! — огрызнулась она.

Начались взаимные пререкания.

— Что я не так сделала, чем тебя обделила? — вскипела Валерия.

— вспомни, что ты сделала, когда я выходила замуж?

Валерия на некоторое время оторопела.

— Ты же с Николаем все равно развелась.

— Тебе-то какое дело, — возмутилась дочь. — Все время лезешь в мою личную жизнь, — лилось из Ирины.

— Я лезу в твою личную жизнь? — Валерию пробрал истерический смех. — С чего ты это взяла?

— Да ты из нее не вылазишь, из-за тебя не могу.

— Чего не можешь?

— Найти себя мужа. Только и слышу одни упреки.

Ирина расплакалась, убежала к себе домой. Совсем недавно она все же сумела оформить ипотеку. Правда, пришлось у матери занять полмиллиона. Валерия спокойно дала, чем очень удивила дочь. Ирина знала: мать деньги даст, тем более они обе по отдельности копили на этот первый взнос, но дочь пребывала в уверенности, что без поучений и наставлений не обойдется. Новая квартира сдавалась, но жильцы уехали в отпуск, и жилье временно пустовало.

— Пришла, называется, домой, — успокаивала себя Валерия после бегства дочери.

Градус ее кипения доходил до максимума. Успокоить могли только «негрустинка» и сигарета. Эльза тысячу раз права: «Пятьдесят грамм — для здоровья. Сто грамм — для нервов. Сто пятьдесят — для веселья. Двести — чтобы забыться».

После «негрустинки» Тарасова минут через сорок спустилась на второй этаж, постучалась в дверь. Открыла Нина. Поздоровались. Вошла в квартиру.

— Выкладывай, что за беда у тебя, — доброжелательно потребовала Валерия.

Она когда-то учила Володьку, сына Нины, называя его пустой головой, но с добрым сердцем.

— Вовка на работе побил сына начальника. Ты же знаешь, какой он у меня горячий, — сокрушалась соседка. — Он доказывает, что не виноват, что заступился за какую-то девушку, к которой пристал этот Олег. — Нина тяжело вздохнула. — Одним словом, беда, — слезы не заставили себя ждать.

— Сколько надо на адвоката? — продолжила допрос Тарасова.

— Павловна, много!

— Сколько?

— Сто пятьдесят тысяч, — прошептала Нина, давая понять, насколько для нее это неподъемная сумма.

— Мда, — невесело произнесла Валерия. — Холодильник зачем моей так дешево продала?

— Павловна, кто его купит за приличные деньги?

— Я!

— Ты?

— Вот тебе десятка за него, — и Тарасова протянула две пятитысячных купюры.

— Павловна, — запротестовала Нина, — я не возьму деньги.

Тарасова гинотизирующе посмотрела на Нину.

— Нина, не кочевряжься... Бери. И вот еще десятка. Эльза и девочки, Герочка с Маргошей приехали погостить, они в деле.

— Павловна... — соседка расплакалась.

— Нина, ты знаешь, я слез терпеть не могу. Будя, рассопливилась она. Неужели ты подумала, что в этом доме нет порядочных людей? Покойница мать любила приговаривать: соседи — родимее родных.

Тарасовой припомнились похороны матери. Было тяжело морально. Дверь деревянного дома не закрывалась. Приходили соседи, говорили хорошие слова о матери и, уходя, оставляли деньги. Приходили с работы и также оставляли деньги. Приходили совсем незнакомые люди — утешали и также давали деньги, хотя проблем с ними не было. У Зои были сбережения, да и Валерия уже крепко стояла на ногах, но люди приходили и помогали. Мужики сами сколотили гроб, вырыли могилу, соседки пособлабляли, быстро приготовили к поминкам все, что нужно. Только родня ничем не помогла. Приехали, посидели и пытались из себя выдавить хоть какое-то подобие слез. Не предложили никакой помощи по дому, плотно отобедали и укатили. Через несколько дней позвонила Татьяна, сестра матери. Потребовала поделиться. «Вам же деньги на похороны все давали, мне нужна хотя бы половина». После этого случая Тарасова всем заявила, что она сирота.

— Ирку мою прости, — попросила Павловна у Нины. — Молодая она еще, не знает, что такое беда.

4

Коллеги по школе за глаза Валерию Павловну называли «Атомным Реактором в Юбке», дети долго ломали голову, но ничего, кроме «Тирекса», не придумали. Характер и есть судьба. Ирине досталась именно такая мать.

Еще в школе она поняла: мать — учительница математики и в придачу классный руководитель, значит, придется все время быть под прицелом класса. Девушку раздражали насмешки одноклассников, Но больше злили обидные намеки, что ее успехи исключительно благодаря матери.

Старые обиды, незажившие детские рубцы разрушали их взаимоотношения. Скандалы с матерью разгорались на ровном месте. По-другому не получалось.

Ирина смотрела по телевизору кино. По тому, как мать хлопнула входной дверью, войдя домой, поняла: надо быть тише воды, ниже травы.

Валерия с порога начала командовать, Ирина безропотно все выполняла. Не понравилось, как помыла посуду, ни слова не говоря, перемыла. Плохо убралась в комнате — быстренько по-новому навела порядок.

Вечером Валерия позвонила коллеге, пожаловалась на бывшего мужа-художника, не платящего регулярно алименты. Женщины единодушно сошлись во мнении: все мужики — сво.

После данного заключения Валерия почувствовала, что ей необходимо выпустить накопившийся пар. Она, словно фурия, налетела на дочь.

— Не поняла, почему не спим?

— Мамочка, еще чуть-чуть, — взмолилась Ирина.

— Я сказала, выключай телевизор.

— Мамочка...

Но Валерия с воинственным видом подошла и выдернула вилку из розетки.

— Могла и пульт взять, — проворчала Ирина, вставая с дивана.

Снисходительный тон дочери спровоцировал неуправляемую детонацию поступков. Тринадцатилетняя соплячка будет еще указывать! С безумным блеском в глазах Валерия подошла к дочери и с размаху вlepила ей пощечину.

— Что ты делаешь? — ошалевшая Ирина оцепенела. — Что я такого сделала? — со слезами вырвалось у нее.

— Будешь знать, как с матерью разговаривать, — Валерия не могла остановиться и еще несколько раз ударила дочь по лицу.

Ирина схватила мать за руки и больно, крепко их сжала.

— Что ты делаешь? — возмутилась Валерия.

— Тебя успокаиваю, — еле переводила дыхание дочь.

— Мне больно! — заорала Валерия.

Ирина отпустила руки матери и тут же почувствовала новую сильнейшую оплеуху. Она готова была ринуться в бой. Но мать прочитала это в глазах дочери и машинально сделала несколько шагов назад.

— Только посмей, — предупредила она.

Ее слова остановили Ирину. Она тяжело посмотрела на мать.

— Ты ненормальная, — произнесла сдавленно дочь. Ее руки заметно дрожали. — Тебя в психушку надо отправить. Папа правильно сделал, что ушел от тебя, — прошептала она, стиснув зубы, утирая правой рукой кровь из разбитой губы.

Валерию передернуло. Слова дочери глубоко уязвили ее. Она не ожидала услышать эти безжалостные, убивающие сердце упреки, приведшие в мрачное онемение. На ее лице застыла гневная гримаса.

— Значит, вот какого ты мнения о матери! — выпалила Валерия. Прищур ее взгляда ничего хорошего не обещал. — Уходи! — в бешенстве потребовала она, прерывисто дыша.

— Что?

Ирина потрясенно смотрела на мать. Никто никогда до сегодняшнего вечера не выгонял ее из дома. Она почувствовала, как внутри все напряглось и задрожало, как натянутая до предела гитарная струна, которая вот-вот могла лопнуть, если бы ее случайно зацепили.

— Уходи, — сипло повторила Валерия. — Уходи к своему бездарному папаше-художнику.

— И уйду!

— Я пережила, когда один предатель ушел, видно, такова моя судьба. — Тарасова выпрямилась, сделав глубокий вдох. — Твой папочка алименты ни копейки не платит. Все ждет божье вдохновение с бутылкой.

— Тебя только деньги интересуют! — злобно огрызнулась Ирина. Дочь всегда болезненно реагировала на любое негативное упоминание об отце. — Ты его до бутылки довела своим занудством, нытьем. Все мораль ему читала! А почему? Ты ведь вампир, пока крови не выпьешь — жить не можешь!

Вышедшая из оцепенения Валерия строго посмотрела на взъерошенную дочь и холодно приказала:

— Иди спать! — и, не сказав ни слова, ушла в свою комнату.

Валерия прислонилась лбом к стеклу. В дремлющей тишине квартиры она чувствовала себя бесконечно одинокой.

Недоразумения, а вслед за ними и разборки с дочерью возникали после этого еще не раз.

Валерия много натерпелась в жизни и частенько ставила эдакий заслон между собой и человеком, которого не хотела пускать в свой внутренний мир. В этих случаях она прибегала к маске, у нее это получалось убедительно. Кажущейся холодностью и неприступностью она многих оттолкнула от себя. Даже дочь. Она сильно на нее обиделась, когда деваха ей однажды эмоционально заявила:

— Ты не любишь меня, будто я тебе чужая!

Слова дочери как нож в спину, и Валерия посчитала их за предательство. Его она никому не прощала, даже собственному отцу. Когда ей позвонили и сообщили печаль-

ную новость, она сухо ответила: «Вы ошиблись номером. Я росла без отца. У меня его никогда не было!» На похороны Валерия не поехала.

Тарасова не раз падала в черную бездну отчаяния, но ей хватало сил выкарабкаться из очередного душевного кризиса. Сломанное дерево может ожить, если за ним ухаживать. Так и человек — забота творит чудеса. Валерия в ней невероятно нуждалась. Спасителем оставалась только школа. Но в последнее время и она перестала помогать. После сорока женщину катастрофически пожирал появившийся страх одиночества. Кто мог помочь? И она позвонила Эльзе.

— Как вы справляетесь с одиночеством?

Эльзу назвать одинокой никак не поднимался язык, но в их разговорах несколько раз проскользнуло, что дома ее никто не понимает. «Я как большой фикус: и выкинуть жалко и при этом всем мешаю!»

— У меня есть кот, — счастливо ответила Эльза, озадачив Валерию. Она точно знала: у Эльзы нет никакой живности.

— Кот?!

— Да, я взяла и нарисовала себе на стене в спальне большого кота и каждую ночь с ним разговариваю.

Валерия озадачилась, правда, у нее временно зародилась идея — может, действительно завести кота, но сразу же ее отвергла.

Кот — это ответственность. Кто будет кормить несчастное животное, когда она на работе, а если, не приведи Господь, помрет, кто тогда будет ухаживать за котом? Ирина?! Нужен ей этот кот... Животное в дом ради спасения от одиночества — это не выход из положения.

Долгие годы близким человеком для Тарасовой был брат Семен. Ох и дрались же они в детстве. Однажды, защищаясь, Лерка взяла с подоконника кактус и со всей силы запустила его в живот Семену. Больше они не дрались никогда. Разница в возрасте между ними была около трех лет, но так получилось, что именно она всю жизнь защищала и опекала брата, отстаивала его точку зрения в различных вопросах, искренне полагая, что младший брат не в состоянии это сделать и не может сам постоять за себя. Господь наградил Семена мощной харизмой, мужской красотой, чарующим, магнетическим голосом и любовью к горячительному. Последнее и погубило его. Цирроз печени в сорок три года свел в могилу.

Похоронив брата и мать, пережившую любимого сына всего на год, Тарасова почувствовала себя одиноким засыхающим деревом.

Валерия позвонила дочери.

5

На большой перемене Тарасова остановила Семенова.

— Николай, зайти в класс, пока там никого нет. Серьезный разговор есть к тебе.

Семенов настороженно посмотрел на учительницу. Это был плохой знак, если Тарасова к своим обращалась официально, по имени. Павловна упорно не называла «тарасят» их настоящими именами. У нее были Леонидасы, Димитропулусы, Ваньши.

Семенов удостоился чести называться ласково — Николая.

Давая «тарасят» новое имя, учительница предупреждала: «Вы зашли на мою территорию, поэтому живете по моим правилам, не нравится — дверь открыта». Семенов улыбнулся:

— Называйте, как хотите, — он посмотрел на учительницу. — Николая звучит даже приятнее, чем Николай.

Парень улыбнулся.

— Ну и чудненько, — ответила довольная Тарасова.

Николай лихорадочно включил память, стараясь вспомнить, где и когда накосячил. Проблема состояла в том, что ничего такого не припоминалось. От неизвестности перед тем, что его ожидало, екало в животе.

Он зашел в класс, как на эшафот.

— Николай, — официальным тоном начала разговор учительница. — Только что имела неприятный разговор с Верой Степановной, — Тарасова испепеляющее взглянула на ученика. Тот не осмеливался даже поднять голову, продолжая лихорадочно анализировать ситуацию. Когда услышал, что его косяк — это Вера Степановна, учительница по мировой художественной культуре, облегченно вздохнул, все же не понимая, чем вызвано раздражение Тарасовой. — Оказывается, — децибелы учительницы начали зашкаливать, — ты не сдал ей зачет по культуре девятнадцатого века. Ты чего меня позоришь? — разошлась не на шутку Тарасова. — Я всем рассказываю, какой ты у меня дуся, а ты зачет по мировой культуре какой-то не можешь сдать!

— Валерия Павловна, — Семенов принял кающееся выражение лица.

Этой уловке его научила мать. «Виноват — состряпай виноватое лицо и говори: каюсь...»

— Там такая бредятина, ну не лезет она мне в голову, — он с надеждой посмотрел на Тарасову, но ее лицо оставалось непробиваемым.

Семенов сделал еще более кающееся выражение — этакий балансир позора.

— Вот что, знаток мамаша Кураж, старший мой «тарасенок», — Тарасова стала в позу, решительно взяла Семенова за локоть. — Если в понедельник не сдашь эту бредятину, как ты соизволил выразиться, то обещаю, что в тот же день у тебя будет не только бледный вид, но и макаронная походка. Ты меня понял? Ты с сегодняшнего дня любишь мировую культуру, как родную мать!

— Ну что вы так разошлись, — Семенов примирительно посмотрел на учительницу математики.

— Я не услышала от тебя, Николай, одной чудесной фразы, — Тарасова испытывающе взглянула на «тарасенка».

— Сдам я в понедельник эту чертову культуру.

— Ответ не совсем верный, но траектория мысли правильная.

Семенов улыбнулся, он уже понял: Тарасова отходит.

— Валерия Павловна, я полюблю мировую культуру, как вашу математику.

— Как нашу математику, — поправила Тарасова. Улыбнулась. — Ну, Николая, так сильно переусердствовать не надо. Достаточно, чтобы Вера Степановна мне больше не упоминала твое имя всуе.

— Не будет, обещаю.

— Чудненько, — и Тарасова как ни в чем не бывало вышла из кабинета, оставив Семенова в классе одного.

* * *

У каждого свой рецепт, как пережить тяжелые времена. Тарасова пробовала заглушить их «негрустинкой», но получалось еще хуже: ситуация лишь усугублялась. Из тупика спас совет Эльзы.

— Если нет счастья, создай свое маленькое, масипусенькое, но свое.

— И в чем ваше? — поинтересовалась Валерия.

— Покер, пасьянс — это так расслабляет.

— И все? — ответ Тарасову разочаровал.

— Еще пешие прогулки под дождем и в полном одиночестве. Единственное, когда могу себя искренне пожалеть, — это так очищает, — делилась опытом Эльза.

В один из таких промозглых дней Валерия вышла на улицу. Холод страшный, грязь, сырость. Первая мысль — вернуться, но Тарасова мужественно ее прогнала. Она продолжила, как ей казалось, героически гулять. Продрогла до костей, промочила ноги, и только когда от холодрыги зуб на зуб не попадал, озябшая, дико уставшая, похожая на общипанную мокрую курицу, вернулась в квартиру. Усевшись на коридорный пуфик, откинув голову к стене, испытала невероятнейшую благодать в теплой квартире. Через минуту уже пошла на кухню. Поставив чайник на плиту, направилась в ванную комнату, скинула с себя одежду и, ступив на поддон душевой кабинки, включила на всю мощь поток горячей воды. Валерия оттаивала, словно мороженое, которое достали из морозильника и оставили на кухонном столе в хрустальной вазочке. Горячий душ сменялся холодным, и так несколько раз. По коже бежали мурашки, но потом тело испытывало блаженную истому от легких игольных покалываний.

После душа она тщательно терла себя полотенцем, чтобы не осталось ни капли воды на теле. Накинув махровый халат, пошла на кухню, сняла с плиты орущий чайник и сотворила маленькое счастье: быстро сварила легкий картофельный супчик и, обжигаясь, ела его, горячий, с хлебом. Потом — в постель с хорошей книжкой, укрывшись пледом, рядом на прикроватной тумбочке дымился чай с лимоном. Она чувствовала себя в тишине квартиры умиротворенно. И засыпала, уставшая и согретая, не было сил ни о чем думать, тревожиться, переживать.

Именно тогда Валерия поняла «маленькое счастье» Эльзы: после холодной темной улицы прийти домой в тепло и не заикливаться на своих проблемах, несчастьях. Иметь дом — маленькое, но истинное счастье. Пить сладкий горячий чай с хлебом — маленькое счастье. И читать перед сном хорошую книжку в своей постели — это также маленькое счастье.

С годами Тарасова научилась творить «маленькие счастья», создавать собственный мир, в котором и пережила не одни тяжелые времена.

* * *

Алгебра в расписании числилась предпоследним уроком, после нее биология и свобода, но, к превеликому сожалению девятого «А» класса, Антонина Ильинична, Спирохета, как ее все в гимназии называли, заболела. Валерия Павловна уговорила завуча не снимать последний урок, а дать ей для подготовки к контрольной работе.

Известие вызвало в классе всеобщую тоску.

— Два урока подряд, — разорялся Виноградов. — Я этого не вынесу.

— Да, Тирекс мозг вынесет своей математикой — жить не захочется, — поддакнула Лебедева.

Всеобщее уныние охватило девятый «А», будто им сообщили, что каникулы в учебном году вообще отменяются, будет только одна учеба, да еще в очном формате.

— Никакой радости от жизни, — Ланской печально покачал головой. — Меня от репетиторов по математике тошнит, но лучше они, чем два урока с Тирексом.

— У меня свой лайфхак против Тирекса, когда она приходит в класс, — громко заявил Новиков, притянув к себе сразу всеобщее внимание.

— Не томи...

На лице Новикова заиграла загадочная улыбка.

— «Сила медведя, приди». Самовнушение срабатывает. Тирекс целый урок меня не трогает, хотя других безжалостно кусает.

— Меня бы также не трогала, — беззлобно парировал Виноградов, — если бы мой папаша не был шишкой в городской администрации.

Стенания учеников остановил звонок на урок.

6

Любовь всегда приходит не вовремя. В сорок восемь Валерия пропала: потеряла голову от учителя физкультуры Михаила — влюбилась не в красивое тело, не в уверенный взгляд, не элегантный гардероб, все это ее, конечно, поразило — влюбилась в уникальность.

Появление в школе нового учителя — событие. Смотрины. В отделе кадров первым делом изучали в паспорте страницу о семейном положении.

— Вы что, не были женаты?

— Надо было? — с насмешкой перепросил Михаил, повергая кадровичку в смятение. Та зарделась.

— Не знаю, — проямлила женщина.

— И я не знаю, — на лице учителя появилась доброжелательная, успокаивающая улыбка.

Через три месяца школа возмущенно шумела о принципиальности физрука, зарубившего по итогам первого полугодия половину отличников.

— Я думала, что одна такая в школе, а он пришел и разрушил мою монополию. Крашава! — восхищенно заявила на совещании Валерия.

После собрания она подошла к Михаилу.

— О вас столько всего говорят...

— О вас не меньше, — парировал физрук с улыбкой.

— Польщена!

— Взаимно!

Оба одновременно расхохотались.

— Мелкие рыбешки вроде бы объединились и покусывают кита, — съязвила Тарасова.

— От этого они не станут китами, — возразил благодушно физрук.

Обмен любезностями окончился, Тарасова почувствовала, что почва для серьезного разговора успешно подготовлена.

— Знаю, мои «тарасята» — это позор физкультуры, — начала издаека Валерия.

— Мне нравятся ваши рассуждения, — подначил ее Михаил.

— Но у них есть преимущество, — Тарасова со значением посмотрела на учителя.

— Слушаю?

— Они знают математику, — уверенно заявила классный руководитель десятого «Б» класса, считая, что ее аргументов достаточно, чтобы новый учитель сообразил — ее отличники неприкасаемые. Артачиться бесполезно.

— Я хорошо разбираюсь в математике, но это не помешало мне стать учителем физкультуры.

— Вы знаете математику? — оторопела учительница.

Когда-то мать отправила насильно Валерию в музыкальную школу. После прослушивания девочке заявили: «У вас очень красивые сильные руки. Положите инструмент и задушите себя ими, не глумитесь над музыкой!» Физкультура и математика, как и музыка, — это несовместимо, по мнению Тарасовой. Она недовольно сдвинула брови.

— Да, — спокойно подтвердил учитель. — Первоначально я поступил на физмат, проучился три курса и понял: спорт мне более интересен.

Не поверив на слово, Валерия принялась задавать ему сложные математические формулы в надежде, что все, что ей сказал учитель физкультуры, просто мужская бравада, бахвальство, но ей пришлось удостовериться: Михаил в математике не профан.

— Дайте список своих математических светил, — затем добавил более серьезно и так, будто желал успокоить классного руководителя десятого класса. — Я подумаю, что можно для них сделать.

Это и притянуло. Тарасова почувствовала, что обнаружила родственную душу... И понеслось. Упоительное чувство кружило, появилась надежда, а вслед за ней — и гармония, которой давно не ощущалось не только внутри себя, но и со всей Вселенной. Они повстречались в то время, когда за плечами у обоих уже было немало разочарований и разлук. Михаил успел пережить болезненный развод, Валерия — неудачное замужество. Она помнила, как дочь ее однажды спросила:

- Мама, ты любила папу?
- Да, — утвердительно ответила Валерия.
- А он тебя?

Тарасова тогда улыбнулась.

- Может быть, — прозвучал ее ответ.

Любовь — это когда хочется только одного — жить! Валерия чувствовала подобный отклик и от Михаила — это придало уверенности, что они на верном пути. Исчезли неуверенность в себе, надуманные комплексы, Тарасова сияла, словно кто-то взял и очистил зеркало ее души от многолетней пыли, убрал толстые слои паутины. К черту были отправлены неудачные опыты, нелепые предостережения прожитых лет.

Через несколько месяцев Валерия проинформировала тринадцатилетнюю дочь:

- Я выхожу замуж.
- Я не хочу отчима!
- Тебя никто и не спрашивает! — вспылила Валерия. — Это моя личная жизнь! Я заслужила немного счастья и радости!

- А я не твое счастье и не твоя радость?

- Ты моя дочь! — поставила в споре точку мать.

А потом грянул гром среди ясного неба. В школу нагрянули полиция, прокуратура. Михаила взяли под стражу во время урока. По коридорам мерзко поползло: «У физрука шаловливые ручки, тянущиеся к девочкам». Когда новость долетела и до Валерии, она внезапно почувствовала, что сейчас, прямо в классе, при всех учениках, истошно, на весь мир завопит. Что-то сокрушающее бурлило в ней, причиняя нечеловеческую боль, что казалось, разорвется сердце. Истуканом она смотрела в одну точку, если бы не вовремя подоспевшая дочь, урок как раз был в ее классе, Валерия бы упала, и ей до жути этого хотелось — лечь, рухнуть, не приходить в сознание.

— Это неправда! — воскликнула она каким-то чужим голосом. У нее перехватило горло, а глаза словно обожгло огнем. Она резко вскинула голову, желая стряхнуть слезы, свет не расплывался больше, а пол не ходил ходуном. Взяв себя в руки, продолжила более спокойно. — Это наговор на человека! — и уверенно прибавила: — Я никогда в его непорядочность не поверю! Никогда! — и вышла из класса.

Пять месяцев длилось следствие. Валерия героически держалась, хотя шептуньи чего только не сплетничали. Их слова разносились по школе, по городу, словно сухие колючки перекаати-поля гонял ветер по пустыне.

Только с одним человеком Павловна могла поделиться своими тревожностями — с Эльзой.

— Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули обратно и говорят: живи!

Эльза слушала с пониманием и, как маленькую, гладила по голове.

- Сходи в церковь — поможет!

- Нет! — злобно ответила Валерия.

- Да! — мягко настаивала мудрая Эльза.

И правда храм стал отдушиной, бальзамом, но на время.

— Не бойся посмотреть своему страху в глаза, — наставлял пожилой батюшка с косичкой. — Чего больше всего боишься?

— Его потерять!
— Греховный страх, почему о дочери не думаешь?
Валерия даже растерялась от неуместного вопроса.
— Ей ничего не угрожает, а его могут посадить!
— Если не виновен — будет чист перед людьми и своей совестью.
— Батюшка! — вскрикнула в отчаянии Валерия. — Не знаете вы людей и системы!
— Бесы тобой управляют, бесы, — священник покачал головой и ушел, оставив Тарасову в смятении.

Панический страх потерять любимого изнашивал душу Валерии — для нее на время следствия никого, кроме Михаила, не существовало. В начале мая все решилось — дело закрыли, Михаила отпустили из СИЗО из-за отсутствия доказательной базы.

С нетерпением Валерия ждала любимого дома, но никто не пришел. Михаил сразу уехал из города, не попрощавшись с ней. Когда Валерия об этом узнала, то от неожиданности вся съежилась, и без того исхудавшее за пять месяцев тело еще уменьшилось в размерах. «Носит же таких мудаков земля», — прорычала Эльза, поддерживая подругу, но выдержать такой удар в спину Тарасова не смогла. Из петли спасла дочь, почуявшая неладное, слишком долго мать была в ванной. Ирина подняла крик, позвала соседского дядю Ваню — Валерию успели спасти.

В больницу к ней пришел батюшка:

— Почему не думаешь о дочери?

Валерия молчала.

— Надо жить, — с уверенностью произнес батюшка. — Это все испытания тебя на прочность.

— Зачем?! — завопила Тарасова.

Священнослужитель на секунду задумался.

— Потому что ты сильная женщина! — с уверенностью произнес он и осенил Валерию крестным знамением.

Солнце слепило глаза, Тарасова чувствовала себя такой же холодной и далекой, как это солнце.

7

Звонок Эльзы преобразил Тарасову, на ее лице засияла счастливая улыбка.

— Лерочка, салун сегодня открывает двери. Жду тебя в десять, — торжественно объявила хозяйка шестидесятой квартиры. — В гости ко мне на несколько дней приехали Маргоша с Герочкой. Приходи, будем расписывать пулю.

— Грибочки прихватить? — поинтересовалась Валерия, хотя заранее знала ответ.

— Как же без них?! Конечно, взять! — восторженно произнесла Эльза.

Раз в месяц она устраивала салун — ночную игру в покер. Это означало, что Эльза в квартире одна, домочадцы сплавлены на дачу.

Подготовка к игре — всегда прелюдия великой стратегии, битва железных нервов.

Женская компания близких подруг собиралась не столько для игры, сколько для того, чтобы хорошо посидеть, обсудить последние новости, обглодать косточки знакомым и малознакомым, под знатно накрытый стол с картошечкой, селедочкой, грибочками, квашеной капусточкой. Вишнебочка холодная в запотевшем хрустальном штофике — «негрустинка» — в центре стола.

Сытые, тяпнувшие не по одной стопке «негрустинки» женщины веселились. В полночь компания садилась за круглый стол, который Эльза называла ломберным. Для себя она ставила мощную из цветного стекла пепельницу, после чего церемонно открывала колоду карт с одинаковыми картинками.

Первый раз, когда Валерия была приглашена в салун, она моргала глазами, понимая, что никогда не запомнит странные правила игры, но после пятой стопочки «негрустинки» почувствовала себя асом покера.

Тарасова пришла к Эльзе в назначенное время. Обнялась с Марго и Герочкой, она обожала старушек. Когда у пятнадцатилетней дочери обнаружилась аневризма сосудов головного мозга, местные врачи сразу расписались в бессилии, Валерия, ни минуты не мешкая, поехала в Ленинград. Совет дала Эльза. После окончания института она оказалась единственным преподавателем, с которой Тарасова переписывалась. Эльза уговаривала толковую студентку поступать в аспирантуру, не срослось, но остались теплые взаимоотношения. Когда дочь заболела, Тарасова именно ей позвонила.

— Хватай девочку в охапку и в Питер! — приказала Эльза. — У меня там Марго и Гера. Они знаются с Галантиной.

— Кто это?

— Врач, которая спасет твою дочь.

И Тарасова с дочерью прилетели в осенний Ленинград. Марго и Гера встретили их в Пулкове. В тот же день поехали в Медакадемию имени Кирова. Два месяца прожила Тарасова у гостеприимных Марго и Геры. Галантина блестяще провела операцию. Тарасова, уезжая, поклонилась Марго и Гере в ноги.

— Не делай так, — отчитала Марго. — Просто всегда знай: ты наша с Иришкой и наша квартира для вас всегда открыта.

— Тогда и вы знайте: вы самые родные для меня и Ирины люди.

— На том и порешили, — и Герочка полезла с объятиями.

Через двадцать минут Эльза всех позвала к столу. Откушали, испили «негрустиночку», обсудили мировые и местного разлива новости. Поохали, что никак не удастся заманить в салун Галантину, перебравшуюся в Подмоскowie.

— Лера, — Эльза тусовала колоду карт, — мы тут с девочками до тебя переговорили, надобно бы помочь Аленке из пятого подъезда с кормами для ее собачек. Она там подобрала какое-то новое волшебное Чудо. Ты как, с нами в доле?

— Конечно!

— И еще, — Эльза понизила голос, — Надина девочка заканчивает школу на медаль. Надо бы справиться ей хорошее платье на выпускной.

— Эльза! — Тарасова всплеснула руками. — Что вы все время спрашиваете, конечно, я с вами.

— Правила такие, — вмешалась Марго. — Мы люди старой закалки.

— Да, — словно вспомнив, Эльза добавила: — Узнай, сколько там Нина насобира-ла на адвоката?

— Узнаю!

Когда все вопросы были решены, Эльза на правах хозяйки салуна весело позвала:

— Теперь все за ломберный столик, девочки. Сейчас принесу канделябр со свечами, и начинаем.

Игривое настроение дам прервал настойчивый стук в дверь.

— Нет, это не мои, — Эльза отрицательно мотнула головой. — Они знают: у меня сегодня салун, — и, недовольная, пошла открывать дверь.

Тарасова, Марго и Герочка застыли в нетерпении. Валерия обомлела, когда в комнату неуверенно вошла дочь.

— Мама, меня бросил Виталий, — по скорбному лицу Ирины, размазанному тушью, потекла новая порция слез. — Он ушел к Оксане. Мама — это конец света! — истерично завопила Ирина. — Я не могу без него.

— Та с короткими ногами, крашеной челкой и косоглазием? — уточнила Тарасова.

— Она еще и косяя! — ахнула Эльза.

— Змея подколотная только такая.

В зале воцарилось тягостное молчание. Присутствующие избегали смотреть друг другу в глаза, правда, Эльза с Марго и Герочкой молча улыгнулись.

— Он бросил меня!

— Козел, — вырвалось неинтеллигентно у Тарасовой. — Кормили, поили, ублажали, все равно с поводка сбежал.

Первой не вынесла душеспипательной сцены Марго.

— Иришенька, не подсказешь, в связи с чем, собственно, траур?

— Тетя Марго, меня любимый бросил!

— Это все? — уточнила Герочка.

— Недостаточно, что ли? — Ирина недоброжелательно уставилась на старушек.

Марго повернулась к Валерии, нежно коснулась ее рукой.

— Лерочка, ты, видать, забыла девочке кое-что объяснить. Разреши, я за тебя это сделаю.

— Как я могу вам отказать, — учтиво ответила смущенная Павловна.

Марго неторопливо закурила тонкую пахитоску в длиннющем мундштуке, выпустила дым колечками.

— Деточка, — поучительно начала Марго, — вместо того чтобы исходить желчью и изводить себя злобой, научись отдавать старые, потрепанные игрушки тем, кому повезло меньше твоего.

— В смысле? — Ирина непонимающе уставилась на старушку.

— Если любимый человек бросил вас ради другой барышни — это не конец света.

И потом, любимых не бросают. Вместо того чтобы терзаться и изводить себя негативом, попробуйте посмотреть на ситуацию с другой стороны...

Ирина слушала с интересом.

— У вас появилась прекрасная возможность завести себе нового Виталия, вот и все. Никогда не горюйте о предавших вас людях — они этого не стоят. Будьте выше этого!

— Вы так же поступали? — поинтересовалась Ирина.

— Пожилые люди с красивыми лицами — они безгрешны, — вступилась Павловна, но увидев, что Эльза покачала головой, мол, не встречай, остановилась.

Марго сделала небольшую паузу, пустив еще одно колечко дыма, заколебалась, остановилась и посмотрела на Геру, ожидая от нее молчаливого согласия на продолжение, и, увидев чуть заметный кивок седой головы подруги, воодушевилась.

— Все наши мужчины, к сожалению, оказывались беспомощными, слабыми.

Снова возникло неловкое молчание.

— Я не хочу одиночества! — нервно воскликнула Ирина. — Не хочу быть старой девой, как вы.

— Мы не старые девы, — на лице Марго появилась улыбка. — Мы компаньонки, это лучше, чем одиночество.

— Деточка, поверь, — вежливо вмешалась молчавшая Герочка, — это в сто раз лучше, чем знать, что твой мужчина может тебя снова предать. Если сделал один раз, будет делать постоянно.

— Это называется рецидив, — с грустью добавила Тарасова. — Папочка твой им сильно страдал.

— Что же мне делать? — Ирина не собиралась оставаться несчастной и брошенной.

— Перестань изображать из себя жертву, — ледяным тоном заявила, вмешавшись, Эльза. — Мерзавец — он особо притягательная особь. Мужик с воза — привет, новая жизнь. Сопли убрала, чтобы я их больше не видела на твоём хорошеньком личике. Садись с нами за ломберный стол! — командовала Эльза.

— Я не умею играть в ваш покер.

- Научим, — засмеялась Эльза. — Твоя мама также не умела, а сейчас такой ас.
- Ирина почувствовала, что ей не только хочется играть, но и перекусить, и она бы не отказалась от «вишневки» питерских тетушек.
- Тетушки, как же с вами уютно и душевно.
- А то, — отходчиво проворчала Валерия.

8

Девятый «А» корпел над контрольной работой по математике. Валерия Павловна степенно ходила по рядам, не давая никому списывать. Дисциплину держать Тарасова умела. Любители язвить шутили, что у нее даже муха спросит разрешения пролететь, чтобы ее не прихлопнули той крепкой рукой.

Как бы ни ворчали ученики на математичку, знания она вдалбливала в «пустые головы» добротнo, словно гвозди в деревянную стенку. Валерия Павловна категорически не применяла новомодных технологий, но результаты всех экзаменов, ОГЭ и ЕГЭ, зашкаливали. Директор вынужден был закрывать глаза на ее вздорный характер, на ее чудачества и неприятный нюанс: Тарасова никогда не сдавала отчеты.

Один из школьников, Кирилл Родионов, никак не мог решить уравнение и шепотом попросил друга помочь. Димка Новиков быстро написал на листке решение, но вездесущая Тарасова все заметила.

— Новиков, пусть бестолковый Родионов решает самостоятельно: тебе и ему минус один балл.

Реакции не последовало: все понимали, возмутись они, будет еще хуже.

Тишину класса нарушил стук в дверь. В проеме показался Олег Ланской.

— Явился не запылится, — самодовольно фыркнула учительница. — У нас тут важнейшая контрольная работа, а этот фрукт... — Тарасова недовольно уставилась на ученика. Ланской затравленно молчал. Все знали: Тирекса лучше не перебивать. Пусть отчитает свой заезженный монолог: какая она великая труженица, что только благодаря ей в гимназии хоть кто-то «соображает по математике» и, самое главное, как трудно работать с тупыми учениками. Медленно подняв глаза к потолку, Тарасова продемонстрировала высшую степень негодования.

Вместо контрольной класс в полной тишине выслушивал стенания Тирекса. Проведя воспитательную беседу, прослушав в тысячный раз коронную фразу математички, что если Ланской еще раз опоздает, у него будет бледный вид и макаронная походка, учительница великодушно сдулась — успокоилась.

— Вечером обязательно позвоню родителям, сообщу, что ты сорвал контрольную работу, — предупредила она.

— Валерия Павловна, прошу вас, не надо, — взмолился Ланской. На его глазах появились слезы. — Это последний раз, я больше никогда не опоздаю.

— Я сказала, что позвоню, значит, позвоню!

Класс напряженно молчал. Все знали, умолять о чем-то Тирекса — лишь подогреть ее желание лишний раз настучать родителям по поводу и без.

— Валерия Павловна, не надо звонить родителям Олега, — заступился за одноклассника Кирилл.

Тарасова уставилась на Родионова колючим взглядом.

— У него отец садист, — Кирилл надеялся быть услышанным.

Сорокалетний Ланской-старший, владелец нескольких строительных магазинов, сам еле окончивший школу, потом с грехом пополам дотянувший вечерний техникум, втемяшил в свою лысую голову, что сын обязательно должен учиться в престижном вузе. «Мне нужен хороший экономист, и ты им станешь!»

Олегу же никак не давалась именно математика. Ему нанимали репетиторов, ставляли часами решать задачи, специально перевели в класс, где преподавала Тарасова. Старшему Ланскому так посоветовал директор. «Поверьте, толк будет. Валерия Павловна умеет вбивать знания, нужна ваша помощь: домашний контроль. Сами знаете, дети ленятся...»

Ланской слово «контроль» воспринял однозначно и действовал прямолинейно. После каждого звонка учительницы устраивал дома показательные экзекуции, чтобы младшие дети понимали: учење — свет, а неучење — ремень, ремень и еще раз ремень. «Ты у меня полюбишь математику!», — после каждого наказания самодовольно ревел старший Ланской.

Несколько секунд учительница с непониманием пялилась на Родионова.

— Подумаешь, — недовольно фыркнула она. — Компьютер или телефон дома отберут на время, и правильно. Не дети, а торчки какие-то, — Тарасова оседлала любимую волну: педагогическое нравоучение.

Тут не удержался и Новиков, встал и резко оборвал моралистку.

— После прошлого вашего «заботливого» звонка, когда вы настаивали, что Олег дебил, он на две недели загремел в больницу с сотрясением.

В классе повисла могильная тишина.

— Когда я кого-то называла дебилем? — возмутилась Валерия Павловна.

— Всем подняться или только избранным? — съязвил Новиков, чем вызвал новый взрыв негодования Тарасовой.

— Новиков, если думаешь, что неприкасаемый, потому что твой отец большая шишка и поэтому на тебя в гимназии не находится управа, глубоко ошибаешься, — возмущенно закипела учительница.

Дима знал: математичка ни за что не стерпит его дерзости и обо всем накапает отчиму. Еще полгода назад ему бы за такое влетело по полной программе, но после последнего случая, когда пасынок открыто заявил, что больше терпеть издевательства отчима не намерен: напишет заявление в полицию, отчим отстал.

— У меня нет отца, — хриплым, срывающимся голосом выпалил Дима. — Он умер, когда мне было шесть лет, а того, перед кем вы все так дрожите, — Новиков съезжился, столько в этих словах звучало ненависти к отчиму, — я больше не боюсь. Можете ему стучать на меня сколько угодно! — в горле от волнения у Димы все пересохло, он облизал губы.

Тарасова не на шутку растерялась, она не чувствовала себя полновластной хозяйкой в классе.

Со второй парты поднялась Лера Лукашевич.

— Да, вы, Валерия Павловна, постоянно называете нас дефективными имбецилами. Только и слышим от вас, какие мы идиоты, святые только ваши «тарасята». Что вы все молчите как воды в рот набрали?! — раздраженно выкрикнула Лера одноклассникам. — Вас каждый урок опускают ниже плинтуса, а вы терпите.

Осуждающее немое безмолвие в классе ни на йоту не рассеялось — напротив, становилось все более тягучим и нестерпимым. Лишь приглушенные звуки проникали снаружи: едва различимый гул уличного движения, чьи-то голоса в коридоре. Боясь пошевелиться, все замерли, словно приросли к стульям.

В наступившей тишине снова раздался голос Новикова:

— Олег в прошлый раз умолял вас не ставить ему плохую оценку, вы же при всем классе заявили, что для профилактики надо, — сыпал обвинениями Дима. — Олег, покажи синяки на спине, пусть посмотрит на результаты своей профилактики.

К изумлению класса, тихоня Ланской приподнял жилет и заправленную в брюки рубашку, и все увидели полосы от широкого ремня во всю ширину открытой поясицы.

Валерия Павловна, глядя на исполосованную спину ученика, остолбенела. Когда-то так и на нее, десятилетнюю девочку, пожаловалась отцу учительница математики, что Лера не всегда выполняет домашние задания, что надо принять меры. Пьяный отец слова воспринял буквально — избил дочь до посинения. Мать не заступилась — испугалась, только брат Семен не побоялся — ему также тогда досталось.

— Ланской, скажи им, что это не из-за меня, — голос Валерии Павловны нервно задрожал.

Олег безучастно посмотрел на учительницу, молча заправил рубашку в брюки. Он не обвинял, он молчал, и от этого молчания Тарасовой еще больше становилось не по себе.

— Вы только умеете стучать нашим родителям, а что у нас дома потом из-за вас разборки, вам это по фиг, — прорвало Игоря Максакова из третьего ряда. — Меня из-за вас уже неделю не пускают на футбол.

— Валерия Павловна, вспомните, как вы затравили Федю, — с осуждением добавила Катя Фирсова.

— Пацан из-за вас ушел из гимназии, — безжалостно подытожил Дима.

— Вы в самом деле беспощадный тирекс, — послышалось с последней парты.

Тарасова не могла поверить в реальность происходящего, недоуменно хлопала глазами, не веря в судилище, которое ей устроили ученики, впервые не чувствовавшие страха и открыто осуждавшие учительницу.

— Чем я тебя лично убила, Новиков? — выкрикнула Валерия Павловна, не контролируя себя, становясь похожей на безумную. — Как ты смеешь мне указывать? — к Тарасовой вернулась ее властность. — На себя посмотри, какие по гимназии о тебе отвратительные слухи ходят, уши вянут.

— Зачем собираете или, может быть, это вы их распространяете? — с вызовом предположил ученик.

— Новиков, вон из класса! — потребовала Тарасова.

— Вы не имеете права выгонять Диму из класса, — заступился за друга Кирилл.

— Мы напишем заявление, чтобы вас убрали из нашего класса.

— Я первой подпишу эту бумагу, — поднялась Лукашевич.

— И я подпишу...

— И я...

На мгновение наступила тишина. Тарасова широко раскрытыми глазами смотрела на класс в поисках хоть маленькой поддержки от кого-то, но вместо этого — обрекающее молчание. Это была последняя капля...

— Да сколько хотите, подписывайте! — взорвалась Тирекс. — Никто меня отсюда не уберет, — математичка победоносно перевела дыхание и торжествующе посмотрела на притихший класс. — Ваши родители завтра же будут вымаливать у меня прощение. Предлагать любые деньги, лишь бы я с вами, тупорылыми, занималась!

Тарасову понесло.

Кирилл коснулся плеча друга.

— Пойдем отсюда, — он боялся, что тот струсит, но ошибся, и когда увидел, как друг уверенно поднялся, на его лице засияла счастливая улыбка.

— Парни, я с вами, — Лерка живо поднялась и направилась к двери.

— Лукашевич, — угрожающе предупредила учительница, — не смей!

— Смею! — девочка даже не обернулась.

За Лерой поднялись Антон и Нина.

— А вы куда?! — завопила математичка, но ученики даже не соизволили посмотреть в ее сторону.

— Я напишу директору докладную, что вы сорвали контрольную работу.

Жалобный вопль Тирекса вызвал в классе сожалеющую улыбку.

— Пишите! — отпарировал Вовка Курдюмов. Он также встал и направился к выходу. Валерию Павловну убил не сам детский протест, сколько их безжалостные взгляды. «Неужели я их заслужила? — с болью подумала Тарасова. — За что?»

Бордовая, словно свекла, не дожидаясь звонка, бросив остатки девятого «А», Валерия Павловна вышла из кабинета.

* * *

— Мама! — крикнула из кухни Ирина. — Твоя герань пустила бутоны, правда, листья больны и опадают.

— Чахнет, как моя душа, — проговорила с горечью Павловна.

Дочь не ответила.

— Посижу в нете, узнаю, как вылечить цветок. Не дам зачахнуть твоему любимчику, — оптимистично неслось из кухни.

Павловне хотелось возразить, что лечить душу, которая почти мертва, — гиблое дело, но она не была настроена на разговор, поэтому промолчала.

* * *

Утром Тарасова уже знала о попытке суицида Ланского. Ей позвонила мать Олега и, не сдерживая эмоций, кричала в телефон:

— Я вас засажу!

— При чем здесь я? — возмутилась учительница. — Судите своего ненормального мужа!

— Вы спровоцировали его на это...

— Я при чем? — твердо заявила Тарасова и отключила телефон.

Вечером позвонил директор.

В понедельник Валерия Павловна Тарасова достала из шкафа белый парадный пиджак и задумчиво посмотрела на прикрепленные на широком левом лацкане педагогические регалии.

9

— Вы должны уйти, — потребовал сдержанным, но официальным тоном директор.

— Не уйду! — твердо заявила Тарасова. — Ничего антипедагогического я не совершила.

— Из-за вас ученик... — пошел в наступление хозяин просторного кабинета.

— Я ни при чем, — не сдавалась учительница. — За домашние разборки я не отвечаю.

— Родители на вас подадут в прокуратуру за доведение их сына до суицида, — продолжал давить директор.

— У них ничего не получится, — уверенно заявила Тарасова. — Не я избивала Ланского за оценки.

— Вы его третировали...

— Я его учила! — четко поправила руководителя учительница.

Директор понял: так он ничего не добьется. Тарасова добровольно не уйдет. Он еще в субботу получил от городского управления жесткое указание: уволить учительницу любым способом, чтобы хоть как-то замять разгоравшийся скандал.

— Почитайте, — и Зевс протянул ей несколько листов.

— Что это?

— Заявление учеников и их родителей, законных представителей, что они отказываются от ваших услуг.

— Я услугами не занимаюсь, — не без гордости заявила учительница. — Моя задача — учить, передавать знания.

— Родители не хотят, чтобы их детей учили вы! — вскипел директор.

Нарочитое спокойствие Тарасовой выводило Колобова из себя. Он ожидал другого разговора, другой реакции: просящей, умоляющей, вместо этого — непробиваемая невозмутимость.

Тарасова небрежно одной рукой взяла бумаги и бегло стала их просматривать. Восьмой класс — сто процентов: двадцать девять подписей детских и родительских. Вторая бумага — точная копия первой, только заявление от родителей девятых классов. Десятые классы также против нее. Одиннадцатый — также все подписи, но у Валерии Павловны отлегло от сердца — там отсутствовала подпись Николая Семенова и его матери. За год с небольшим он стал ее отрадой. И до Семенова у Тарасовой появлялись достойные ученики и ученицы, радующие учительское сердце успехами, но именно с Николаем она обрела второе дыхание, огромное желание учить. Они достойно выступили на всероссийской олимпиаде, войдя в десятку лучших, потом была олимпиада «Воробьевы горы», проводимая МГУ, — Николай вошел в призеры. Пробники по ЕГЭ он щелкал как орешки. Тарасова с уверенностью ждала своего десятого столбальника.

— Сто пятьдесят подписей ученических и столько же родительских, — довольно подытожил директор.

По щекам Тарасовой расползлись два красных пятна.

— Это все всплеск эмоций, — стойко отбивалась учительница. — Их всех кто-то умело натравил на меня. — Валерия Павловна, чтобы хоть как-то расслабиться, улыбнулась. — Больше всего в жизни мешают дятлы.

— Не понял вас? — директор чувствовал, как ему изменяют хладнокровие и выдержка.

Он удивленно взглянул на Тарасову.

— Знаете, в природе птица нужная, но в человеческой жизни бесполезная, только на нервы действует.

— Вы это обо мне? — обиделся директор. — Тогда читайте это, он достал из папки еще один лист. — Не хотел вас травмировать, но вы меня вынудили.

Валерия Павловна сразу узнала семеновский почерк. «Учительница математики Тарасова В. П. не должна работать в гимназии. Своими методами она систематически убивает учеников и желание учить ее предмет».

Тарасова почувствовала слабость, шум в голове нарастал. Она еще раз прочитала накорябанный текст и, не комментируя, отдала директору. Убило все, но особенно слово «систематически».

Почему-то именно сейчас, в этом кабинете, Тарасова вспомнила огромную осину, росшую за забором любимой дачи. Она стояла, как страж. Ее листья на тоненьких-тоненьких черенках начинали шелестеть при самом легком порыве ветра. Когда к вечеру уже холодало и заходящее пробивающееся сквозь деревья солнце разливало свой золотистый свет, Павловна любила, сидя на крыльце дома, смотреть на осину и зачарованно слушать шепот ее дрожащих листьев. Когда же поднимался сильный ветер и небо затягивалось хмурыми тучами, шелест становился еще громче и сливался с шумом дождя. Она чувствовала в такие моменты волнение дерева.

Приходило солнце, осина успокаивалась, в лужах плавали оторвавшиеся круглые листья. Валерия отправлялась на прогулку. Нагулявшись, снова садилась на крыльцо, слушая в полнейшей тишине мягкий приветственный шелест листьев. И на душу спускалось умиротворение, думалось, что вся темнота — позади.

Сколько было лет Валерии, столько она помнила осину. Она была с ней всю ее жизнь, каждое лето, когда Павловна приезжала на дачу, — дерево как хранитель семейного устоя, покоя. Она скучала по этому проникновенному шелесту осиновых листьев. Одна маленькая радость, составляющая ее жизнь.

В прошлом году в дерево ударила молния, убившая ее любимую осину. Валерия плакала, когда наняла работников, чтобы срезали несчастное дерево. Через месяц она продала дачу...

Прочитав написанное любимым учеником, Тарасова почувствовала себя беспощадно срубленной осинкой. Валерия Павловна почувствовала усталость от пребывания в душном кабинете директора. Руки ее задрожали, она еле сдерживала себя, чтобы не расплакаться. «Только этого не хватало, только этого не хватало», — талдычила она себе.

— Я напишу вам заявление, — сдалась пожилая учительница. — Устала работать с призраками.

— О чем вы? — директор подозрительно посмотрел на математичку.

— Об учениках, — Тарасова тяжело вздохнула. Ее горечь разливалась в каждом сказанном слове. Павловну прорвало. — За столько лет работы я научилась разбираться в детях, интуитивно чувствовать их способности, возможности. Но глядя в класс, меня всегда охватывал страх.

— Отчего? — взгляд Зевса оставался настороженным.

— Потому что все время видела призраков, не учеников, желающих постичь математику. Зачем учить призраков, которые никогда не станут теми, кем бы они могли стать?

Тарасова удивилась своей откровенности.

— Вы не представляете, какое это учительское счастье смотреть в живые, пытливые глаза, в которых читаешь интерес, здоровую амбицию, сильнейшую мотивацию что-то доказать этому миру. Эти глаза стимулировали, делали мою жизнь насыщенной. Пусть «призраки» в классе меня не слушали, но в кабинете математики я уже не чувствовала себя одинокой.

Директор слушал учительницу зачарованно.

— И что с вами случилось?

Тарасова остановилась. Про себя грустно улыбнулась. Кому и что она собралась доказывать?

— Устала учить призраков, а теперь еще и предателей, — с горечью произнесла Валерия Павловна. — Раньше детям и родителям нужны были знания. Сейчас только оценки, и то они больше нужны родителям. Детям вообще ничего не нужно.

— Не утрируйте, — директор категорически не был согласен с умозаключениями Тарасовой.

Он анализировал каждое произнесенное педагогом слово, словно хотел найти в них причины ее срыва. Да, Тарасову временами заносило, она самонадеянная, резкая, но справедливая. Она борец за знания, школьный самурай-камикадзе. Тарасова — честь и совесть школы. Да, ей непонятно, что математика не всем нужна, хотя Зевс вынужден признать: объем знаний требует не эта конкретная учительница, а министерская программа.

Он сочувствовал Тарасовой искренне, по-человечески.

Тридцатипятилетний Зевс к своим годам познал формулу ученического и учительского успеха, потому что вырос в семье, где царил счастье. Это помогло ему понять, что трудно стать счастливым взрослым, если не было познано счастье в детстве.

— Вы не задумывались, Валерия Павловна, в чем сила педагогики?

— Наверное, вы знаете, — едко заметила Тарасова, — коль решили старухе преподавать ликбез?

— Не надо ерничать, — лицо Колобова оставалось серьезным. — Вся наша работа должна сводиться к искусству маленьких шагов.

Тарасова первый раз озадаченно посмотрела на директора.

— В чем же моя ошибка?

— Боюсь, вы двигались семимильными шагами, и за вами элементарно не успевали. Павловна начала понимать завуалированные мысли хозяина кабинета.

— Не из каждого полена можно вырезать Буратино! — горячо возразила она.

— Надо ли вырезать? — задумчиво произнес директор. — Может, пусть полено останется прекрасной чуркой для растопки печки, и от этого кому-то в доме станет теплее. Как вы не поймете: математика не ваш любимый преферанс.

Тарасова не подала вида, что удивилась, что Зевсу известна ее маленькая тайна.

— Ошибаетесь: математика — царица наук!

Директор в нерешительности прикидывал, как ему быть дальше, стоит ли обострять разговор.

— Для вас, но не для ваших призраков, — уверенно заявил он. — Математика — обычный учебный предмет, как все!

Тарасова посмотрела на директора с сарказмом.

— Я останусь при своем мнении, — невозмутимо ответила Валерия Павловна. — Напоследок я вам вот что скажу, — Тарасова привстала. Теперь правду она могла сказать безбоязненно. — Все с восхищением говорят, что школа — храм науки, но это далеко не так, и вы это прекрасно знаете. Школа — это целенаправленное изнасилование мозга. Бесконечные реформы, модные нововведения. Результат — математику знают единицы, по-русски грамотно пишут те же единицы, книги не читают, истории страны не знают. И знаете, — Тарасова взволнованно перевела дыхание, — устала дрессировать свое терпение в угоду ученику, администрации, репетировать сдержанность, не реагировать на твяканье мосек. Устала быть толстокожей. Школа превратила меня в тирекса. В этом есть и ваша вина, директор!

В кабинете повисла тишина.

— Наша работа — это ответственность перед обществом, — понесло директора. — Вся субсидарная сущность педагогики требует, чтобы учитель был готов всегда меняться, — поучительно произнес Зевс, оседлав любимый конек под названием назидательная мораль.

— Какая сущность? — переспросила Тарасова.

— Субсидарная, — ответил директор. — А что? — и он с непониманием уставился на учительницу, словно перед ним стоял провинившийся первоклассник, и он читал ему азбучные истины.

— Слово-то какое выкопали, — поразила Тарасова. — Субсидарная ответственность существует только в банке, а мы с вами работаем в школе.

— Ошибаетесь, — загорелся маленький Наполеон от большой педагогики. — Субсидарная сущность заключается в том, что учитель — это педагогический мотиватор. Он должен вести за собой не только своих учеников, но и учителей.

— Лукавите, — Тарасова иронично посмотрел на директора. — Учитель все время занимается педагогическим мазохизмом — подстраивается. Я этим извращением занималась сорок лет, устала! — резко отрезала Тарасова.

Она подтянула к себе чистый лист бумаги, взяла ручку и размашисто написала нужное заявление. Директор взял его в руки, внимательно прочитал.

— Вы что такое написали?

— Прошу уволить меня за несоответствие субсидарной сущности.

— Издеваетесь надо мной? — вскипел Зевс.

- Если это возможно, то да!
- Какая же вы несносная...
- Какая уж есть.

Директор поставил на бумаге визу — «В приказ». Успокоился.

- Не думал, что мы так с вами расстанемся, — Зевс не сумел скрыть сожаления.
- Я не убогая, чтобы меня жалеть, — огрызнулась Тарасова. — Себя пожалейте.

Валерия Павловна уничижительно посмотрела на одутловатое лицо директора. Поднялась и уверенно пошла к выходу.

11

Тарасову в большой рекреации первого этажа дожидался Николай Семенов. Увидев учительницу, спускавшуюся по лестнице, он уверенно пошел ей навстречу.

- Валерия Павловна, мне надо объясниться.

Тарасова уничижительно уставилась на ученика.

— Я в этом не нуждаюсь. Ты обо всем написал в заявлении, — холодное лицо Тирекса скривилось от презрения. — «Учительнице Тарасовой нельзя преподавать в школе».

- Понятно, теперь вы будете меня считать предателем?

Тарасова внимательно следила за Семеновым, будто старалась навсегда запомнить его. Волосы прямые и тонкие, довольно длинные, но аккуратно подстриженные, ровный правильный нос, бледно-матовое лицо, чувственный рот с улыбчивыми губами, смысленный вид и очень выразительные серые глаза. Они притягивали к себе, но ей нравилось в Семенове другое — его импульсивность, или как позже по-тарасовски она его называла — Николя. Это пошло от Эльзы. Та любила своим студентам давать имена исключительно на французский манер. Валерия для нее была просто Валери — сильная. Сильная — это еще и понимающая.

Тарасовой нравились ученики с характером, со стержнем, умеющие отстоять свою точку зрения, не трясущиеся за каждую оценку. Семенов, бесспорно, к ним принадлежал. Нестандартными умозаключениями он вводил в замешательство учителей, при этом его рассуждения не были пустым бахвальством, под ними чувствовалась основа.

Однажды при разборе одной теоремы Тарасова шуточно назвала Семенова ежом. Реакция была молниеносной и жесткой: «Ежик должен быть всегда колючим, это гарантирует ему жизнь!» Тарасова запомнила эти слова. Они ее зацепили, поэтому так болезненно онаотреагировала на его предательство. Тарасова понимала, что Семенов — ее лебединая песня, она им будет гордиться, а вместо этого — учительница Тарасова не должна преподавать в школе.

И вот сейчас он стоял перед ней, стараясь оправдаться. Она видела, ее Николя, ее звезда отчаянно ищет точку опоры. Ему очень плохо.

Эльза учила: шанс надо давать не всем, но выговориться — каждому.

— Хорошо, слушаю тебя, — спокойно, без снисходительности, Тарасова дала возможность ученику защититься.

— Маму вызвал директор и заставил ее, — запинаясь, начал объяснять Семенов. — Зевс, — все в школе знали кличку директора, — уговорил меня написать это заявление.

— Ясно, — Тарасова ничего не могла с собой поделать, голос был полон иронии. — Ты послушный мамин сын. Молодец!

— Валерия Павловна! — распсиховался Семенов. — Не надо вашего сарказма. Он пригрозил уволить маму. У меня не было выбора. У мамы, кроме меня, есть еще больная бабушка, потом меня еще учить.

Повисла невнятная тишина. Тарасовой именно в этот момент вспомнились предсказания цыганки, приставшей к ней в молодости по дороге в институт. У Валерии на-

шлись какие-то копейки. Отдала, чтобы та отцепилась, но и потребовала, чтобы предсказала, что ждет ее впереди. Жизнь цыганка предсказала долгую, но несчастливую, но в кругу молодых мужчин. Еще добавила, что у нее отличная линия ума. Валерия фееричную перспективу истолковала по-своему: умная и никому не нужная училка. В принципе так и получилось.

— Чего ты хочешь от меня, Семенов? — холодно спросила учительница. Если к кому-то из своей обоймы учеников она обращалась по фамилии — все знали: Тарасова крайне им недовольна.

— Понимания!

— Не поздно ли? — учительница тяжело вздохнула. — Было время, Коля, когда я считала тебя своим светом, но я позабыла, что свет порождает тень. Чем ярче свет, тем чернее тень.

— Что вы этим хотите сказать? — Николай нервно уставился на учительницу.

Тарасова хотела промолчать, но в последнюю секунду решила ответить.

— Что хотела сказать, уже сказала. Хотя могу для тебя добавить, — учительница пристально посмотрела на Семенова. — Я знала ученика, забравшего после окончания школы из больницы своего пожилого и одинокого учителя математики, которого разбил инсульт. Он кормил его с ложечки, делал массажи. За такими больными трудно ухаживать, но он не побоялся.

— Валерия Павловна, — взвыл Семенов. — Остановитесь, пожалуйста! Вы что-то сломали внутри меня! Мне там больно!

— Твой крест, тебе его и нести, — назидательно произнесла учительница.

— А вам — свой, — не остался в долгу Николай.

В другой раз Тарасова бы такой дерзости не стерпела. Сейчас же, не только после разговора с директором, но и пережив случившееся, она чувствовала себя виноватой за свою несдержанность, за свою гордыню. Прав настоятель отец Саввий: «Гордыня человеческая — самый большой грех!»

— Что мне делать? — спросила она его в воскресенье после церковной службы.

— Молиться и каяться.

Они смотрели друг на друга почти минуту, прежде чем Тарасова тихо произнесла:

— Ты прав, Николай, — она замялась. Никогда раньше она не была так откровенна с учениками. — Мне свой крест нести до гробовой доски. И поверь, не только у тебя там болит, у меня там также очень болит.

Семенов приободрился после слов учительницы.

— Скажите, я еще ваш «тарасенок»? — он моментально покраснел от горла до кончиков ушей, учителя впечатлила быстрота этой метаморфозы.

Тарасова с сожалением посмотрела на ученика.

— Помнишь, ты однажды назвал меня мамашей Кураж. Я еще тогда хотела тебе возразить, но не стала, а сейчас пришло время. Я не мамаша Кураж. Все ее дети погибли. Да и цели у мамыши Кураж были другие, чем у меня. Я хотела, чтобы «тарасята» любили, восхищались математикой, чтобы кто-то из них продолжил мое дело. Страстно жаждала научить своих «тарасят» полету. Однажды я сказала своему преподавателю, что математика воспитывает порядочность. Она со мной согласилась, но добавила: «И преданность!» Преданность всему: делу, человеку, идее. Так что не от меня зависит, мой ты «тарасенок» или не мой. Это тебе, юноша, самому надо решать, без моей помощи...

И Тарасова ушла, оставив Семенова в раздумьях.

Директор застал Тарасову в кабинете, снимающей со стены портреты стобалльников.

— Что вы делаете? — искренне удивился он.

— Разбираю инсталляцию, — равнодушно ответила Тарасова. — Выставка закрыта!

12

Ирина долго не решалась зайти в комнату матери. Всегда чувствовала радар ее настроения. Сейчас он показывал красный цвет — вход запрещен, поэтому несказанно удивилась, когда услышала из спальни:

— Дочь, ты дома?

Мать крайне редко звала ее не по имени. Не было в их отношениях уменьшительно-ласкательных обращений, каких-то других милых нежностей, указывающих, что между матерью и дочерью существуют близкие, доверительные отношения. Поэтому вопрос «Дочь, ты дома?» Ирину даже испугал.

— Да, — и она неуверенно вошла в комнату.

Вид матери привел в замешательство. Всегда ухоженная, опрятно одетая Валерия с неброским макияжем была для Ирины образцом, сейчас же перед ней на диване в домашнем халате сидела пожилая женщина с длинными распущенными волосами, заплаканными глазами и поникшей седой головой. Со смешанными чувствами дочь смотрела на родного человека.

— Не смотри на меня так, — огрызнулась мать. — Не успела отмыть старость.

Ирина улыбнулась. С годами ей все больше и больше нравился черный юмор матери.

— Может, не стоит так убиваться, — нерешительно произнесла дочь. — Тебя же с удовольствием возьмут в любую другую школу. Толковых математиков так не хватает.

Валерия с изумлением уставилась на дочь.

— При чем здесь школа?

Ирина растерялась.

— Ты разве не из-за школы расстроилась?

— Ну ее к чертям! — не без вызова ответила Валерия, выпрямившись. — Сейчас образование превращается в перформанс, поэтому больше ни ногой в школу. Хватит с меня! Сорок лет в обед! — решительно произнесла Павловна.

Ирине показалось, что она ослышалась. В слова матери с трудом верилось. Всю сознательную жизнь она только и слышала: работа — это главное, это кормилица.

— Так из-за чего ты расстроилась? — негромко поинтересовалась дочь, присаживаясь на край дивана.

— Сегодня считала, сколько раз получала нож в спину.

Ирина напряглась, почувствовав, как коварно засосало под ложечкой. Она помнила, что однажды мать ей сказала: «Переживу любое предательство, но если ты меня предашь...» — и не закончила мысль, но дочь поняла: прощения никогда не будет.

Мать укоризненно посмотрела на Ирину.

— Думаешь, не знаю, что эти цветы на Прощеное воскресенье заказываешь ты, — это прозвучало глухо и осуждающе, но невраждебно.

Внутри Ирины что-то вновь дрогнуло.

— Мама, о чем ты? — дочь испуганно посмотрела на мать.

— Прекрасно знаешь, о чем я, — устало ответила та. И не было в этом ни тени упрека. Это и удивило, и насторожило Ирину.

— Ты же подговорила тех двух дур из класса написать заявление на Михаила, якобы он к ним приставал. Специально ведь сделала, не хотела, чтобы я вышла за Михаила замуж...

Ирина почувствовала, что мать впадает в резонанс, самое опасное ее состояние, и этого никак нельзя было допустить. Клин клином вышибают.

— Будешь счета со мной сводить? — не без горечи, но с вызовом спросила Ирина. — Я готова!

И столько в ней было самоотверженности, что боевой пыл матери стал угасать.

— Чего сводить, — безнадежно произнесла Валерия. — Все равно уже ничего не изменишь. Может, оно и к лучшему, что именно все так закончилось, — в ее голосе слышалась горечь.

Ирина растерянно смотрела на мать. Она боялась этого разговора. Предчувствовала, что его не избежать. И каждый раз дрожала, словно лист на ветру, когда Валерия устраивала бесконечные кровопускания — вынос мозга.

Когда в жизни матери появился Михаил, сметливая Ирина поняла: все серьезно, тогда в ее тринадцатилетней голове и возник коварный план. Она подговорила подружек Ритку и Светку пожаловаться родителям, что новый физрук распускает руки. Она не думала, что дело пойдет так далеко, о СИЗО никто и не помышлял. Наивно считала, что физрука из школы просто уволят, ну, припугнут. Ирина ни за что не хотела, чтобы в доме появился отчим. Ей не нужен отчим, у нее есть родной отец, которого она обожала, считала лучшим папой на свете. Как же она терзалась, молчаливо наблюдая за страданиями матери, когда Михаила задержали. Ирину грызла совесть, она не хотела, чтобы невиновного человека из-за нее посадили. Она сходила к следователю и призналась, что это она подбила подружек оговорить невиновного учителя, но ей сказали, что есть заявление родителей девочек, поэтому ее признания — пустой звук. Ирина вспоминала тот период с содроганием. В одной комнате плакала мама, в другой — она, потому что оболгала честного человека. И мать, и дочь тогда были на грани.

— Когда Михаил уехал не попрощавшись, я сходила к следователю Ермилову, моему бывшему ученику, — начала Валерия безжизненно. — Он многое мне рассказал.

Наступила пауза, и Ирина интуитивно догадалась, что недосказала мать. Она прекрасно помнила ту единственную фразу, которую ей сказала мать, когда вернулась от следователя: «В моем доме завелись паразиты» — и, не объясняя больше ничего, ушла в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

— За Михаилом что-то такое уже где-то числилось? Подобное? — уточнила дочь.

— Дыма без огня не бывает, — неопределенно произнесла мать.

Она почувствовала непреодолимое желание распахнуться. Маргоша такие сердечные инсинуации называла незримыми фуриями сердца.

— Михаил — это моя фурия сердца, — тихо проговорила Павловна, сама не зная, кому исповедуется — дочери ли, себе или космосу. Потом словно очнулась, посмотрела притихшей Ирине в ее напряженные глаза. — Ермилов рассказал, что ты приходила.

Последние слова матери повергли Ирину в шоковое состояние.

— И ты все это время молчала? — воскликнула она.

А взглянув на строгое, суровое лицо матери, все поняла без лишних объяснений.

— Батюшка научил — не вспоминать и прощать. Это было нелегко, но я сумела, — с облегчением произнесла Валерия.

Тогда в больнице священник дал ей совет: «Ежели искренне хочешь исцеления, то не о прошлом, о несбывшемся не жалей. Жалей тех, кому, видит Бог, много хуже, чем тебе. И прости. Всех тех, кто обидел, предал, оскорбил. Не держи в сердце зла, или оно погубит твою душу!»

Запали эти слова в сердце, помогли исцелиться. Валерия не забыла предательства дочери, но спрятала боль, не дала ей вырваться наружу. Прав бабушка: «У каждого своя правда!»

— Какая же ты сильная, — негромко, но с восхищением вырвалось у Ирины.

Валерия странно хмыкнула.

— Эльза считает, что женское сердце — океан. В нем много чего можно спрятать, — Валерия глубоко вздохнула. — В нем я и спрятала искалеченную душу. — Павловна за-

думалась, ушла в себя, чуть погода тихонько продолжила: — Искалеченные души остаются искалеченными, их невозможно починить.

Ирина самопроизвольно прижала мать к себе и склонила ее голову на свое плечо. Павловна не сопротивлялась. Так и сидели женщины: молодая бережно гладила пожилую по волосам, а у старшей текли слезы.

— И мое сердце — океан, — с внутренним облегчением выдохнула Ирина, что заставило, напротив, напрячься мать.

— Ты это к чему?

— Мама, ты папу любила?

Валерия сощуренным взглядом посмотрела на дочь.

— С чего вдруг такой интерес?

— Просто ответь.

Валерия поднялась и подошла к шкафу с барной секцией, она называла его на старинный манер — секретером. Взяла с полочки ключ, открыла дверцу и достала старый альбом в красном бархатном переплете, подошла к дочери, присела.

— Видишь, сохранила.

— Что это? — не поняла Ирина.

— Наш свадебный альбом. — Валерия вытащила засушенный стебелек, лежавший между страницами. — Дмитрий подарил этот цветок при нашей первой встрече, когда читал стихи, очаровав ими меня.

— Почему же вы развелись?

Валерия грустно улыбнулась.

— Развод не всегда обозначает конец любви. Развод — это даже не точка в отношениях, а многоточие... У нас с твоим отцом не все было гладко, но были десять лет мучительного счастья. Я, конечно, надеялась его перевоспитать, оторвать от зеленого змия, но когда проходят настоящие чувства, все принципы оказываются бессильны.

— Мама, — Ирина взяла мать за руки. Набрала воздуха и выдохнула. — Это папа тебе присылал цветы.

— Дмитрий? — Валерия ахнула от неожиданности. — Не Михаил?

— Это цветы прощения от папы. Он тебя очень любил и сожалел, что вы разошлись.

Валерия сидела и слушала рассказ дочери о бывшем муже. О том, как он завязал с алкоголем, даже вшил ампулу, которая бы его защищала от запоев. Как был несчастлив в новом браке.

Человеческие отношения — густой туман. Люди отчаянно блуждают в нем, не видя друг друга, но чувствуя, что они где-то рядом, при этом боятся сделать лишний шаг, чтобы не отдалиться еще больше и не потерять друг друга. Трудно одному находиться в промозглом мареве, не зная, куда двигаться дальше. Еще сложнее, если у женщины мужской характер, который не переломить ни уговорами, ни слезами.

Ирина увидела на глазах матери слезы.

— Что не так, мама? — отчаянно спросила она.

— Все так! — Валерия старалась успокоить и себя, и дочь. — Мать моя была права. В восемнадцать мы закатываем глаза, в сорок — помидоры, в шестьдесят — губу, — на лице Валерии появилась слабая улыбка. — А дальше тихо курим, сидя на балконе.

Неожиданно мать и дочь оживились и следующий час весело болтали обо всем, обоим хотелось верить, что навсегда вытряхнули из своих закров мешавшее жить спокойно, душившее их прошлое. Накопившиеся за долгие годы душевные надрывы и тайные обиды в мгновение ока исчезли, улетучились. Две родные души чувствовали огромное облегчение и необыкновенную легкость.

— Мама, у тебя скоро день рождения, что тебе подарить?

Валерия с благодарностью посмотрела на дочь.

— Подари мне мир и спокойствие, больше ничего не надо.

Ирина прижала мать к себе и нежно поцеловала ее в щеку.

— Знаешь, я сегодня сделала то, о чем мечтала долгие годы, — призналась Валерия.

— Ты об уходе из школы? — догадалась дочь.

— Да!

— И как? Что чувствуешь?

— Будто вышла на свободу после длительного заключения, — и тихо добавила: — Школа что-то внутри меня сломала.

Ирина внимательно следила за лицом матери.

— Тогда, мама, наслаждайся этой свободой, — Ирина улыбнулась. — «Свали в туман», как Эльза. Поживи для себя.

Валерия улыбнулась. Неужели, взобравшись по лестнице жизни достаточно высоко, пришло долгожданное время «пожить для себя»?

— Устала страдать, хочу жить! — решительно произнесла Валерия. — Непременно поживу! — пообещала она.

— Кстати, мама, ты уже видела, твоя герань ожила, выпустила такие чудесные розовые цветочки.

— Еще бы не цвести, когда душа благоденствует.

Тарасова вдруг поверила, что все будет хорошо. Это состояние легкости и оптимизма не покидало ее уже несколько минут. Она по привычке начала рассказывать дочери анекдот, которых знала множество, и попросила сигарету.

P. S.

На кухне засорилась раковина. Валерия Павловна пробовала справиться вантузом, но ничего не получалось. Пришлось идти в хозяйственный магазин. Всегда в таких случаях покупала «Крота». Недорого, но сегодня нужное средство отсутствовало на витрине.

— Девушка, — обратилась Валерия Павловна к молодой продавщице, — какое средство от засора посоветуете?

— Возьмите «Тирет», его хорошо покупают. И отзывы замечательные.

Лицо Валерии Павловны преобразилось.

— Как вы назвали средство? — переспросила она.

— «Тирет»!

Но Павловне послышалось «Тирекс», и она расхохоталась. Резко, пронзительно.

— Вы предлагаете купить «Тирекс» Тирексу.

Продавщица с непониманием посмотрела на покупательницу.

— «Тирет», — поправила она. — «Тирет», а не «Тирекс».

— Какая разница... — воскликнула Валерия Павловна, продолжая громко смеяться...